

18+

РАССКАЗЫВАЮ

МНЕ БЫЛ НУЖЕН ЭТОТ ШАНС

Катрин Аполлонова

Рассказываю

<https://litres.ru/74370132>

ISBN 9785007100229

Аннотация

Каждый участник этого сборника прошёл большой путь, пока писал свой рассказ.

Мы не спешили, но двигались вместе группой творцов.

Мы изучали новое и заглядывали в потаённые уголки Души, чтобы в итоге прийти к радости — у нас есть шанс поделиться с миром своим взглядом, своим намёком на то, как сделать жизнь счастливее.

Каждому из нас нужен шанс: на успех, на реализацию, на отношения.

Проживая с каждым персонажем его путь, мы проживаем ещё одну жизнь.

Ох, сколько их собралось под этой обложкой...

Содержание

Введение	5
Катрин Аполлонова	7
Царский Путь	7
Я не знаю, что будет дальше	30
Александра Сарбукова	49
Голос	49
Андрей Спирин	77
Бегом через горы и леса к полю причин	77
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Рассказываю

Редактор Катрин Аполлонова

Корректор Мария Чепиницкая

Художник (иллюстрация обложки) Александр Компани-

ец

Автор Александра Сарбукова

Автор Андрей Спирин

Автор Ольга Майорова

Автор Настя Гринфловвер

Автор Натали Селеменева

Автор Людмила Кучер

Автор Павел Москевич

Автор Александр Аполлонов

Автор Кристина Богословская

Автор Ефросиния Суздальская

Автор Наталея Мардар

Автор Альмира Давыдова

ISBN 978-5-0071-0022-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Каждый участник этого сборника прошёл большой путь, пока писал свой рассказ.

Мы не спешили, но двигались вместе группой творцов. Мы встречались со сложностями: личностными, художественными и даже техническими; мы изучали новое и заглядывали в потаённые уголки Души, чтобы в итоге прийти к радости — у нас есть шанс поделиться с миром своим взглядом, своим намёком на то, как сделать жизнь счастливее.

Каждому из нас нужен шанс: на успех, на реализацию, на отношения.

Наши герои получили этот шанс. Как они им распорядились?

Проживая с каждым персонажем его путь, мы будто бы проживаем ещё одну жизнь.

Ох, сколько их собралось под этой обложкой...

Ребята спрашивали меня, когда мы только начинали этот поток, и я озвучила, что схема будет на всех одна: «Мы идём одним маршрутом, у нас получатся одинаковые рассказы?» Теперь, когда книга собрана, я вижу, какими же они получились разными. Каждый писал своё, хоть и по общей схеме. Каждый проживал честно и красиво то, что приходило вместе с новым шагом.

И эта честность, сила, наслаждение красотой и преданность пути чувствуется в этих строках.

Мы отдаём миру этот сборник. Я чувствую, что каждый читатель найдёт в нём рассказ, написанный «как будто о нём». И ещё несколько, которые откликнутся Душе.

Эти рассказы — отражения жизни, которая есть сейчас. Красивой её стороны. Разных её сторон.

Они-то кубики новой реальности, которая сейчас создаётся... каждым из нас.

Катрин Аполлонова,

Автор и редактор проекта «Рассказываю. Мне был нужен этот шанс».

Катрин Аполлонова

Царский Путь «Мне был нужен этот шанс»

1 лист

«Царица улыбается там, где все серьёзны. Царице можно. Царица знает, где и какая её улыбка нужна.

Ей не нужен последний шанс. Она не играет на флейте, и сила её не пляшет под дудку. Она идёт свой Путь и улыбается... потому что нечего унывать.

А те, кто видит всюду уныние, просто не видят себя и своих настоящих потоков. Те просто потерялись в массах и яростных желаниях самовыражения, самоподтверждения, дотягивания до безбожного внутри себя, отвергая божественное».

Она сказала, что это нормально. Нормально, что никто не пришёл. Нормально, что мы вдвоём в зале — ведь мы только начали. И нормально, что я расклеиваюсь, а склеиться могу только об кого-то (сегодня об неё). Она сказала и вышла из зала.

Я осталась одна.

Я стояла у окна и колупала глазами двор. Там стоял парень с пучком вишнёво-винных дредов. Он разговаривал с кем-то блёклым, с кем-то, кого загораживало дерево. Больше двор ничего не выражал. Как и я.

Вымышленный оператор, который снимает мою жизнь, с трудом держался на ногах, его камера дрожала. Я почувствовала это и отвернулась от окна. Выдохнула.

Включила музыку, попыталась потанцевать. Не шло.

Написала десяток сообщений, получила ответы. Не то.

— Точно всё нормально? — спросила я вскоре у своей напарницы. Она вернулась в зал.

— Точно, — ответила она.

— А мы будем продолжать?

— Конечно!

Мы работали два месяца, чтобы набрать группу, но не пришёл ни один человек. Мне стало так грустно, так пусто, так тяжело.

По жизни я пробивала стену за стеной. И вот новая. Я устала. Я закрыла глаза и погрузилась в темноту.

Помню этим же вечером был кофе, прогулка и разговор ни о чём. Шумный вагон метро и прощание, где я поблагодарила небеса за то, что этот нежный человек был со мной сегодня и будет завтра.

Возвращаясь домой, я окончательно обмякла. Моя шёл-

ковая рука легла на ручку двери, потянула её на себя. Пешком я прошла лестницу на несколько этажей. Едва ли вернулась в тело. Перед сном прочла сообщение от леди, которая ведёт практики: «Приглашаю в эту субботу...» — я соглашаюсь. — «А запрос?» — пишет она.

Что-то внутри, что называет меня Царицей, диктует запрос: «Принять этот царский голос и суть, что он до меня доносит».

«Хороший запрос. Приходите».

Лист 2

«Царица потеряла корону... спаяна по заказу, под её размер и с её камнями... пошарила по подушке, пошарила по пустующей соседней — нет нигде. Бросила ноги на пол. Наступила на корону. Завопила: зубы короны впились в ноги.

В то утро она решила, что или не будет носить корону вообще или станет её достойной настолько, что не будет терять. Решила и передумала. Думать было больно. Нога истекала кровью».

— Я не могу бросить то, что делаю, но и продолжать в таком духе мне тяжело.

— У тебя есть другой дух? — на меня смотрела особа с глазами-шоколадками, которые излучали абсолютное принятие жизни. «Сколько этих запросов она уже выслушала,

на сколько вопросов ответила. Сколько нелепых...» — Или всё-таки не будем разбрасываться такими терминами?

Она перебила мои мысли, а мне захотелось уйти. Я встала. Её «шоколадки» не шелохнулись. Видимо, и к этому она уже привыкла.

— Это ли не пустой разговор? — спросила я и присела обратно.

— Зависит от того, как к нему относиться.

У меня не клеилось дело. У меня не клеилась самоидентификация. У меня не клеился разговор. Кажется, мне нужно было очень много изоленты, чтобы собрать всё, что разваливается.

— У Вас есть изолента? — спросила я.

— Есть. И много, — ответила она. Даже бровь не вскинула. Не удивилась. — Это разумный вопрос, — заметила она, — с таким расширением мышления у Вас есть шанс пройти через волны пассивности рассудка и выйти на ту тропу, где будет комфортно стоять и в отремонтированных с помощью изоленты ботинках, и на тонких каблучках.

«Я умею расширять мышление», — подумала я тогда. Бесячая моих близких особенность.

— Что мне сейчас делать? — спросила я. — Ведь у меня нет сил действовать.

— Растратила на ложные переживания и ожидания, — за-

ключила она. — Понятно. Ничего не делай. Отвергни любые запланированные шаги и посмотри, что получится.

Я посмотрела. Закрыла глаза и начала смотреть. Память рисовала пустой зрительный зал и меня в нём. Одну.

«Как мне страшно... никого нет. Я пришла, а ко мне никто не пришёл. Я расширяю мышление. Этот зал — моё поле тишины и творчества. Я стою, и мне никуда не надо. Я помню роль. Микрофоны настроены. И я звучу для себя. Это мой вечер, и я провожу его вот так. Я могу так. Что это такое я чувствую?..»

Лист 3

«Царица видит цель, но не может до неё дойти. Преграды, кочки мешают.

Царица флиртует с фотографами, ступая по красной дорожке. Она медленно поводит плечами, поворачивается то одним боком, то другим. Но цель держит — глаза направлены к ней.

Толпа ждала её. Она хочет до неё дотронуться, чтобы вкушать тот пульс жизни, что идёт через Царицу. Она транслирует красоту, но толпа её не видит. Единственная живительная сила, доступная этой планете, — красота — не доступна толпе, но доступна каждому человеку на ней».

Мы с напарницей отсиделись по норкам, восстановились и вышли навстречу друг другу.

«Я хочу с тобой дружить», — получаю сообщение. Отвечаю взаимностью и радуюсь тому, что произошло. Я усаживаюсь на балконе в одинокое кресло с банкой газировки. «Оказывается, так приятно получить предложение дружить», — пишу я.

Мы не договариваемся встретиться, не назначаем новых планов и не знаем, куда двигаться. У нас провал, и я хочу отменить назначенные занятия (отвергаю шаги).

— Вы хотите перенести даты? — спрашивают админы площадки, где мы хотели проводить занятия.

— Я хочу отменить.

— Это невозможно...

— Это нарушение...

Разговаривали мы долго и безрезультатно. Моё широкоформатное мышление не помогало. Даты остались за нами. Группы надо было набирать. Но что для этого делать, я так и не знала.

Она попадает кружкой с кофе в центр блюда. Она попадает зелёными искрами в моё сердце. Как она может оставаться такой спокойной, когда всё рушится?

— А я не считаю, что рушится, — отвечает она. — Мы в

пути, у нас получится, но позже.

— Вокруг меня будто рой мух. Он гудит и закрывает обзор. Я не вижу, я не слышу... — я решилась на нытьё новой подруге.

— Мы сделаем то, что получится...

Настал новый день занятий... на него пришёл один красивый человек.

Но перед тем, как прийти на это занятие, я должна была пройти порог своей квартиры. А он оказался высоченным. Я стояла на нём с сумкой, вокруг ещё не улеглось облако парфюма, когда я замерла.

Мне нужно так высоко задрать ножку, чтобы переступить... как собака, орошающая кусты — она не только осваивает себя, но и оставляет послание. Я как Алиса из страны Чудес, которая боится войти в дом к Белому кролику. За порогом неизвестность.

Дышу. Делаю шаг. Пришло время.

Лист 4

«Царица не одинока. Она в контакте с собой и с теми, кто есть в её жизни — свои люди. Люди, с которыми совпали. С которыми прохождение трудностей — это взгляд в одну сторону, а не друг на друга, сопротивляясь и свирепствуя. С которыми разговор — это возвращение в покой, а не возбуждение «интересных» тем. С которыми связь постоянна.

Царица опирается на себя, и, если начнёт терять эту опору, ей напомнят, что она есть. А иногда напоминает она...»

Я люблю этот голос. Не вымышленный, а вполне человеческий голос в трубке. Я звоню, чтобы мне задали неудобные вопросы. Я звоню, чтобы меня обняли нетипичными словами. Я звоню, когда готова к честности.

— Что самого болезненного в том, что никто не пришёл?
— спрашивает Голос.

— То, что я никому не нужна...

Я знаю, что это всё детские сопли. Знаю, что с моим уровнем восприятия реальности этого всего быть уже не должно. Я знаю, у людей своя жизнь и причины не прийти, и я тут ни при чём. Однако мне больно и тяжело. И дело не в деньгах, которые я не получила. Дело в том, что никакими уговорами моя травма отвержения не хочет засыпать. Проснулась и плачет...

— Не усыпляй её, — говорит Голос. — Отвлеки. Переведи внимание...

— Я стараюсь, — отвечаю. — Хожу в кафе, с пользой провожу время, общаюсь с приятными людьми.

— Это всё не то. Ты не поняла: не заглуши её, а отвлеки. Вернись к ней и поменяй ракурс восприятия...

— Не получается, — перебиваю. — Я понимаю, что я молодец, а у всех свой Путь.

— Ещё раз... давай-ка, закрой глаза, дыши... как ты умеешь... Что именно ты делаешь? Что ты даёшь миру? Зачем ты это делаешь?

И зазвучало где-то внутри меня:

«Я сохраняю красоту, я открываю красоту в людях и в мире.

Я готовилась к этому всю жизнь...

Однажды, когда мир начал отказывать себе в красоте и радости, когда театры начали отменять спектакли, а друзья не дожидаться друг друга в кафе, когда люди перестали заниматься спортом и радовать себя творческими находками: рисовать, петь, писать...

Господь посмотрел на нас и произнёс: «Пора». Нам непросто. Но интересно!

Мы преподаём грацию и осанку. Женщины на наших занятиях вспоминают о божественном в себе. При чём тут подиум и модельный бизнес... выйти на улицу и пройтись красиво — уже подарить себе и миру красоту».

— Женщины на наших занятиях говорят себе: «Мне можно... жить», — я заплакала.

— Ты открыватель естественных процессов в людях. Они закрыли. Зажались. Они напуганы и выживают. А ты продолжаешь верить и открывать. Ты продолжаешь нести красоту, когда люди настроены только на выживание (что их, наоборот, уничтожает). Человеку нужна красота и сила красоты.

— Человек убивает в себе ядро творчества, — сказала я.

— А ты через красоту не даёшь ему разрушиться окончательно. Ты и есть красота.

Лист 5

«Царица закрылась в будуаре на ключ. Она ослабила корсет, скинула туфли, она задышала свободнее. Большие тяжёлые слёзы сошли на щёки. Она не издавала ни звука. Лицо оставалось ровным и спокойным. Она не плакала, но освобождалась. Ей была нужна тишина. Ей нужно было оглядеться».

Я разжимаю её руку, выпускаю ладонь: «А что, если у меня так и не получится...»

Она молчит, но глаза тихо меня ласкают: «Путь».

В этом слове магия. Оно напоминает: всё, что есть — нужно, то, что нужно — есть.

«Но я же должна...» — перебиваю я поток покоя. Как молнией поражённая, я стояла, парализованная этим ложным долженствованием. «Стоп. Никому. Ничего...» — я вытаскивала себя клещами из пучины мыслей.

Я будто бы стояла на пыльной дороге. Захотелось топнуть, чтобы столб мелких останков бытия оседал на моих белых носках и кедах. Сделала. Чихнула. Поймала привкус на языке: «Не пыль. Пепел. Моя сгоревшая реальность, которую я сама и спалила своим чувством долга». Мне стало горько.

— А теперь что? — я вернулась в реальность.

Я огляделась. Я была не одна. Моя напарница осталась рядом. Она услышала мой вопрос и поняла его.

— Теперь выбираем, что для нас лучше, — сказала она.

— Для меня лучше не думать, получится у меня что-то или нет. А просто делать это.

— Для меня тоже, — она снова взяла мою руку, и мы пошли рядом. Этот жест стал для меня знаком продолжения Пути. Мне стало легче.

— Но как же больно делать и не видеть результата...

— Да.

— Эго болит.

— Да.

— Пройдёт.

Мы пройдем что угодно, если будем продолжать идти. Мне нужно время, чтобы понять, хочу ли я продолжать путь. Только после того, как уймётся эго, я смогу трезво взглянуть на ситуацию. А пока...

— Готова? — она навела на меня объектив.

— Да! — глаза мои вспыхнули детским огоньком.

— Включай эту свою походку красоты.

И я включила. И сделала шаг, другой собой, той, которая равна себе. Я улыбалась. Я жила красотой. Ведь я и есть красота. Ведь красота — это состояние, а не оценка.

Как мне стало тепло. Как захотелось сделать что-то кра-

сивое. Настоящее.

Лист 6

«Царица видит его тень, прогуливающуюся по саду. Она у окна в знойный день. Время к вечеру, но солнце ещё у власти. Она не может разглядеть его лица, но помнит, какое оно.

Её мудрый дракон прогуливается в одиночестве. Решает свою личную, непонятную для Царицы головоломку.

Она думает о том, как хорошо, что он был, но не с ней. Как хорошо, что он есть и он не с ней. Как хорошо, что он есть, и он с ней. Как хорошо, что он с ней...»

Список требований к моему идеальному партнёру нацарапан гвоздём на бетонной стене в ванной комнате. Я сделала это во время ремонта, пока рабочие были на перерыве, а я осталась в бетонном коробе одна.

Мне было грустно, как и сейчас, когда я иду по пути, где не видно шагов и результатов.

Я разозлилась тогда на прогорклый запах бетона и, схватив гвоздь, начала выводить его остриём слова: «Мне нужен...»

К вечеру стену заделали плиткой. Но список я запомнила. Тот, кто за мной наблюдает, Тот, кто выше, хохотал тогда: «Я прошелся по твоим требованиям, но сам не прошёл по паре пунктов», — «Даже Бог не годится мне в партнёры...»

— Тебе эти требования для чего? — тихий голос был совсем рядом. Его владелец не брал меня за руку, а я не смотрела на него.

— С какой целью интересуешься? — грубила я. Но одумалась и решила ответить. Нормально же спросил. — Хотела, чтобы идеально и по-моему. Безопасно чтобы.

— И что там? — он купил мне ещё один стакан кофе. А я заплакала: «Как я устала быть взрослой», — «Понимаю».

— Так, чтобы он был весёлым, умным... — запивала я слёзы чёрной горечью.

— Клоун? — искренне удивился мой собездельник. — Ты не устала от умных?

— Какой ты глупый...

Сказала и отмахнулась от него — моя рука подлетела к нему на этом жесте чуть ближе намеренного. Я почувствовала жар его тела. Рядом со мной сидел равнодушный, не отмеченный интеллектом остров покоя и равновесия. Мудрый дракон, который говорил «мама», рассказывая о ней. Который реально слышал каждое моё слово и запомнил, какой кофе я пью.

Мне стало больно рядом. Чувства перевесили грудную клетку. Мне захотелось кричать. Был выбор: скрючиться, пряча себя и чувства, или раскрыться, раскинуться и завывать, закричать, выразить себя. Я выбрала второе! Я поступила

нелогично: он просто спросил не устала ли я от умных (читай, выпячивавших себя) мужчин, а меня прорвало. Этот вопрос откинул меня от земли, и я, поднявшись над глобусом, увидела всю карту своей жизни. Над ней была ночь.

Я кричала прямо в кафе о том, как у меня ничего не получается, как много я прошла, как мало сделала и как ничего не понимаю. Я ждала утешающих слов и сочувственных глаз.

Но рядом сидел остров покоя.

— Ты всё сделаешь, и у тебя получится, — сказал он. — Когда делаешь, получается.

— Ты что, не видишь, как сильно я устала? — хлюпала я.

— Вижу. Надо отдохнуть.

Всё. Прошла. Кричать не хотелось. Слёзы высохли. Он не сказал ничего умного, но был мудр и спокоен. Его не ранили мои эмоции. Я почувствовала себя принятой миром: мне можно кричать и плакать, можно грубить и быть неудобной.

Я перестала обижаться на себя. Я вылезла из требований и претензий к себе одним этим его «Вижу. Надо отдохнуть».

А... меня видят.

О... отдохнуть.

Я не помню, сколько ещё просидела в тишине у стакана с кофе. Тот, кто был рядом, сидел рядом и молчал о покое.

Лист 7

« — Ты здесь? Ты один? — Царица входит босая в серую

келью.

— Здесь. Один. Покажись, — голос мягкий звучит тишиной.

Царица скидывает тёмное полотно с головы. Её глаза цвета стен комнаты светятся.

— Я пришла поговорить.

— Тогда помолчим, — ответил старец в тёмном одеянии.

— Я пришла подумать.

— Тогда потанцуем, — он протянул ей сухую руку.

Смерть коснулся Царицы. Но она не умерла. Она приняла приглашение».

Он дышит моим воздухом, он начинает говорить моим голосом, я становлюсь им. В это время моё тело в сонном параличе. Внешне выглядит, будто бы я сплю, но я говорю с ним. Я слушаю его. Я говорю с собой его голосом. Голосом моего внутреннего Мудреца, голосом ответственного за мою жизнь... Демон ходит рядом. Их голоса похожи.

— Не надоело разбазаривать себя и отдавать тому, кто не ценит и кому это не надо, свою мудрость и свет? — спрашивает Мудрец.

— Свет бьёт в глаза, и я падаю... в нитьё, — отвечаю.

— Нитьём не добьёшься ничего, только раззадоришь. Ты помнишь это, но ведёшься на провокации, — говорит Демон.

Провокации — сок моего Демона, и я ведусь... Шаг вперёд, три назад, поворот. Я танцую с мыслями, пока он заводит шарманку. Я поддаюсь, забывая, что делаю на самом деле. Я теряю контроль над собой.

Любопытно, как я однажды справлюсь с этим.

— А смысл в чём? — спрашивает старец и возвращает меня в реальность. — Ты делаешь то, что велит тебе Демон. Но он же к чему-то тебя приглашает.

— К саморазрушению... это ясно. А к чему ещё?

— Для чего это в твоей жизни?

— Он приглашает меня вспомнить, в чём смысл того, что я делаю и куда заглядываю, чтобы больше не вестись на провокации. Он учит меня опираться на истинный смысл.

Мой внутренний мудрец кланяется мне. Жестом он просит меня проговорить то, что явлено: «Я нахожу смысл, и всё меняется. Я опираюсь на смысл, и он начинает проявляться. Я веду к нему себя и свои миры. Каждый раз, когда я думаю, что в тупике, вспоминаю, куда и для чего движусь. Каждый раз, когда меня приглашают в состояние, в котором пребывают сами — страдание, горевание, уныние — а я несогласно соглашаюсь и терзаюсь в нём, мне нужно вспомнить о смысле: для чего мне это состояние. Смысл есть: сделать выбор в пользу себя».

Внутренний мудрец поддерживает меня, мягко держит под руку. Он звучит тихо: «Мы продолжаем путь, пока в этом

есть смысл. Мы творим реальность, создавая красоту ядра творчества. Изъян — и смысл меркнет. Ложь пришла, провокация, игра эго. Отринули, вспомнили истинный смысл и продолжили путь. Любопытно... как далеко зайдём».

Лист 8

«Царица нарядилась. На неё нанесли идеальный макияж. Она достала из шкатулки парфюм: пара капель на запястье, капля за ухо.

Готова!

Открыла перед собой двери зала, но не смогла сделать в него шаг. Зал был пуст. Перед ней открылась тишина и просторы голых полов, отправляющие взор дальше в окна, где молчали поля и светилось небо.

— А где же?.. — она была поражена.

— Кто? — Дракон вышел из угла, протянул ей ладонь покая.

— Все. Где?

— А кто тебе нужен?

Царица замолчала».

Я бежала на занятие.

Мне чувствовалось, что я всё поняла, что я правильно настроена, что у меня на этот раз всё получится. Галопом по ступеням... уведомление о сообщении: напарница сообща-

ет, что её задерживают обстоятельства, она подойдёт позже.

«Ничего», — думаю и мчусь наверх. Спрашиваю у феечек-администраторов, сколько ко мне человек. Они грустно качают головой. Ни одного. А как так?

Пустой зал. Стук моих каблучков оглушает. Голова стала тяжёлой, шея устала её держать.

Я села на пол и впилась пальцами в макушку. Полегчало.

«Корона-корона, я хочу тебя снять», — сказала и срывающим движением отняла руку от волос. Что-то с меня ринулось в зеркало. Громко стукнуло, и зеркало, визжа, опало на пол, забирая с собой моё растерявшееся отражение.

Кольцо соскользнуло с пальца, — так сильно я махнула рукой, — и оно разбило зеркало.

Пустой зал. В нём теперь даже нет меня. Я повернулась на камеру, что наблюдала за мной из угла. Покачала отрицательно головой: «Не трогайте меня сейчас» — и поставила пальцем галочку в воздухе: «Запишите на мой счёт».

Короны нет. Я не королева больше. Есть в королевском что-то кровавое.

Я не для крови и пыток здесь. В этом нет меня. Я есть в чистом и благостном нахождении там, где я есть. Но, пока мной правят устремления к ложным целям, пока раненое эго хочет исцелить себя дешёвыми заплатками — так не выйду

я к себе, не получу себя настоящую.

Значит, здесь, у разбитого зеркала, где меня не стало, точка моего нового становления.

Какой я буду? Какие слова мне нравятся? «Царить, быть, светить. Быть равной себе...» — будто записывала я в невидимый блокнот невидимой рукой.

Два часа тянулись. Меня не торопили.

Лист 9

«Царица сидела в мягком кресле. Обнажённая и сильная. Нежный пот собрался в ямочке у ключиц. Она улыбалась опухшими губами, когда Смерть с поклоном подал ей кружевное бельё...

— Мне пора возвращаться?

— Да, моя Царица, — бархат его слов опадал на тёплый пол.

— Я не...

— Это неважно. Там ты есть ты. И ты будешь собой. Ты отдохнула.

Воспрянь. Иди. Живи».

«Если бы другой человек относился ко мне так, как я к себе, можно было бы сказать, что он меня любит?.. Нет». Что бы это было?

Претензии, проработки, вечное осуждение и желание сде-

лать меня лучше. Вопросы к фигуре, запрет самопроявления и наказание, когда влезает болезненная, затюканная часть меня. Мне и так плохо, а он сверху сыплет презрением: «Не справилась. Стыдно за тебя...»

Нелюбящий идёт со мной на занятия, заходит со мной в пустой зал, и смеётся над моим провалом, и задаёт мне эти ужасные вопросы о том, что я делаю не так, и делает колючие выводы обо мне вслух.

Он надевает на меня неудобные кроссовки, он покупает мне невкусную... хватит!

Я так больше не выбираю. Наигралась. Было и было. Всё.

Я встала с пола. Я собрала сумку. Я развернулась к двери, чтобы выйти из пустого зала — на пороге сидела моя напарница. Она пришла и тихонько ждала, когда я захочу пошевелиться.

Поднимаясь, она взяла веник и совок, которые стояли у стены. Она их принесла.

— Помогу убрать, — она показала на разбитое зеркало.

— Да. Я случайно.

— Я знаю.

— Я оплачу, — говорю.

— Попролам оплатим, — сказала она. — Это случайность, которая произошла у нас.

Я заплакала. На этот раз от счастья. Она тихонько позвякивала зеркальными стружками, собирая их в ведро. Я сто-

яла и ревела, прикрыв глаза.

«Сейчас я их открою, и там будет моя жизнь... что это будет за жизнь? — как не хотелось открывать глаза. — Жизнь, за которую я ответственна, где я... не одна, — зеркала продолжали звякать, — где у меня есть задача. Трудная, но есть. Где у меня есть идеи, где есть моя стая (прицепилось слово, но оно суть отражает), где я хочу открывать в себе истинную себя, принимающую и красивую. Я так люблю красоту. Я так вижу её в других людях. Я открою... со мной откроется».

Я открыла глаза.

Напарница сосредоточенно счищала веником последние осколки с совка.

— Идём? — сказала она, и мы вдвоём взяли ведро.

Лист 10

«Царица улыбалась, когда никто не улыбался. Она прищуривала глаза, чтобы размывать картинку, и закрывала их, чтобы видеть больше.

Она улыбалась своим воспоминаниям и прочитанным письмам. Она улыбалась своей походке, спрятанной под струями платья, и своим невысказанным мыслям. Улыбалась тишине, которая проявила в ней покой.

Он писал, она читала. Она понимала, что новая встреча нескоро, хоть он и объяснялся в любви, хоть он и настаивал на том, что бережёт их отношения. Смерть был далеко, и Царица грелась в воспоминаниях об их встречах. Она продол-

жила Путь».

В рабочий процесс вклинилось сообщение. Я что-то дописывала или переписывала, мелькнуло уведомление, и у меня сжалось сердце. В такие моменты я даю себе команду не бежать сразу, иначе я вовлекусь больше положенного. Я почувствовала, что сообщение это непростое.

Писала девушка, которая потеряла за небольшой срок многое. Мы не были знакомы близко, но она отчего-то решила довериться мне. Какой-то мой текст, какой-то наш с ней диалог расположил её ко мне:

— Я уволилась, — признаётся она. — У меня был срыв. Первый раз.

Я поняла, как ей плохо.

— Ты поступила так, как тебе лучше. Это Путь...

— Да. Я хочу к тебе на занятия! Можно?

— Да. Но давай ты подумаешь до утра.

Она согласилась подумать до утра, а я сидела как ослеплённая ярким солнцем.

Мои объявления всё-таки были видны. Просто люди зрели, думали, взвешивали. Просто их ситуации не складывались в идеальный самолёт, который доставил бы их ко мне.

Но всё, что я делала (что мы делали с напарницей), было не напрасно. Если хотя бы одна пара глаз увидела, значит, в

этом есть смысл.

В тот момент мне стало приятно и спокойно, мне стало неважно, запишется она утром или нет. Мне был нужен шанс: ответить «да» на вопрос, можно ли ко мне на занятия...

На занятия, которые откроют красоту внутреннюю, чтобы воспряла внешняя. Занятия, которые напомним о великой дремлющей силе внутри каждого из нас. Которые подарят роскошь самопроявления.

Когда мы проявлены, мы понимаем, кто мы и что можем — мы принимаем решения, мы влияем на состояния, мы делаем выбор. Когда мы проявлены, нас видно. И мне был нужен шанс дать это себе, а затем шанс дать это миру.

Когда я уже почти сдалась и остановилась, чтобы сделать шаг назад, мир ответил: «Мне это нужно...»

Одним человеком, одним сообщением, одним откликом — но это мой отклик. Значит, свет появился. Маленький огонёк, как первый лучик солнца на восходе, как крохотная вера в зарождающееся счастье. Я продолжаю Путь.

Катрин Аполлонова

Я не знаю, что будет дальше «Мне был нужен этот шанс»

— Как ты? — голос подруги в трубке.

— Как я? Рубрика: вот бы оказаться в постели с тем, на кого ещё не орала.

— Нужно новое знакомство?

— Нужно перестать орать на людей. На мужчин. На себя. На свою жизнь.

— Поняла. У тебя приступ перфекционизма, — сказала подруга.

— У меня недосып, — призналась я.

— Или... недочто-то ещё.

— Или недочто-то...

В дверь позвонили.

На пороге стоял мужчина. Простой и понятный мужчина. Он искал в моей квартире свою знакомую. Её зовут Таня, и он решил, что она живёт у меня.

Я возвела глаза к небу: «Вот так быстро ты хочешь исполнять мои запросы?»

Я сказала, что Тани в моей квартире нет. И не было. Он опустил глаза в телефон. Открыл там что-то и зачитал: улица, номер дома, подъезд, этаж, квартира. Не все совпало. Он ошибся.

— Простите, — сказал он. Так и не представился, кстати.

— Не за что, — я медлила. Не хотела закрывать дверь. «Сделай шаг прочь от неё. Первый. Давай. Откажись от меня. Ты будешь сколько-тодцатый за мою жизнь», — подумала я и засмеялась своим жертвенным мыслям. Видимо, улыбка просочилась сквозь паузу.

— А может... — он уже стоял вполоборота и указывал на лифты.

— Может, — ответила я. — Сейчас только сосчитаю «но».

— Буду внизу.

И нажал на кнопку лифта, который не дал нам рассмотреть друг друга — открылся.

Кажется, ты подарок судьбы. Случайная встреча и сразу глазами. Я не закрылась, и ты приглашаешь. Мне стало тепло — моменты мечтаний наполнились смыслами прошлых стараний. И боль отпустила, где сияла слезами.

Чувствую, ты подарок судьбы. Сказал, что ты будешь, а я уже есть. Шапка, ботинки — взгляд в зеркало, лесть. Пустая улыбка, я не замираю, но дверь открываю больными руками.

Знаю, ты подарок судьбы. До лифта шатаясь, к тебе я навстречу. Манит огонёк, открывается вечность. Душа замирает, рассудок калечат правдивые истины, что, как крылья на плечи, ложатся внезапно. Ведь я попросила, чтобы за шаг до бездны меня не пустили...

Как хорошо — ты подарок судьбы.

Но я лифт отпускаю. Не помню, как в двери, себя разужаю. И дальше на стуле рыдая, стенаю, киваю судьбе, с ней соглашаюсь: ты подарок судьбы, но нужна себе я, а не ты.

Я попробую позже. Мы подождём. Не из мечты, не по судьбе — просто так приходи. И не жди.

Соблазны...

Мои стражи на пороге. Я не верю в себя, но верю в них. Вчера я не вышла к тому, кто позвал меня на прогулку. Вчера я рассматривала через окно, как он стоит и ждёт. Вчера я дала лифту уйти без меня.

Сегодня он пришёл снова. Я видела его у подъезда. Кажется, он заметил меня из окна, почти помахал рукой. Я смутилась, я улыбнулась, я спряталась.

Я помню глаза его медовые. Как быстро я запомнила цвет. Наблюдение за... — моя суперспособность. Я наблюдаю за всеми, но не за собой.

Что я хочу прямо сейчас? Хочу услышать его «голос», хочу его «привет» в моих глазах. Но соблазн остаться в том, что есть, манит и оставляет меня в доме.

Хочу принять его приглашение и посидеть за кофе вместе. Кафе недалеко. Но что будет дальше... соблазн начать строить самосбывающиеся негативные пророчества — здесь.

Танцует, улыбается. Мы же на «ты».

Хочу отпустить его руку у подъезда. На сегодня войти в вечернюю квартиру одной и брякнуться в подушки, смеясь от накатившей радости: «В моей жизни появился свет!» Событий вспомнить слова моего терапевта: «Будь сама себе светом...» — заставляют меня окаменеть.

Я останусь.

Нет.

Я пойду.

И пойму, как это: быть Светом себе. Я начну светить прямо сейчас.

Я включаю музыку. Я танцую. Я смотрю в окно... сколько времени прошло? Его нет. Ушёл. А завтра придёт? Темно стало. Тихо. Пусто. А свет?

«Твой свет всегда с тобой...»

Тогда я отправлюсь на прогулку с собой. У меня текут слёзы, но я хотела прогулку, хотела кафе. Я сделаю это для себя. Как больно делать первые шаги любви к себе.

Я одеваюсь. Я обуваюсь. Я подкрашиваю губы. Я орошаю запястья парфюмом. Я открываю дверь... вчера я здесь оставилась.

«Стоп! Куда я иду? — думаю. — К себе я иду».

Я переступаю порог.

Слишком длинный шарф или это ветер путается в моих ногах? Мне трудно идти. Всё потому, что я не понимаю, куда я иду и зачем.

Что значит — я отправилась на прогулку с собой? Обычно я иду по делу, куда-то конкретно иду, куда-то с кем-то иду, к кому-то иду. Сейчас я просто иду. И не пойму, как это...

Я могу зайти в кафе, купить кофе. И я типа такая гуляю с кофе, как на уютненьких фотографиях в сети. Я буду такая ламповофильтрованная, радостная.

Я не хочу кофе.

Я могу перейти дорогу... вот бы встретить кого-нибудь и поговорить. О чём будем говорить? Например, о... я не знаю. Пустая голова.

О! Я вижу знакомую на той стороне дороги. Она не видит меня. Она в своих мыслях. Если я пойду по переходу, мы встретимся и начнём разговаривать, мы пройдемся какое-то время рядом.

Я отступаю. Я не иду по переходу. Но я ускоряю шаг и ныряю во дворы. Это моя прогулка.

Мои чувства сковали мне плечи. Как давно я так плотно не чувствовала. Это всё тёмно-серый (мой любимый) воздух и нейрографические нагие ветви деревьев на бледно-сером небе. Цвет глаз у меня такой же.

Плечи, давайте раскроемся. Я хочу дышать этой серостью,

этой пустотой, этой массой тишины, помноженной на вечность. Вдох — я будто бы вагоны разгружаю. Что же так тяжело? И ноги мои... ох... еле идут. Выдох. За ним будет вдох — та самая гарантия продолжения жизни. Вдох.

Я гуляю одна. И иду глубже во дворы. Я иду в себя. Я иду к себе.

Я ненадолго. Я скоро развернусь домой.

Я попробую завтра ещё разок.

Мне стало тяжело дышать, и я села на скамейку. Было нехолодно, но как-то зябко. Мне захотелось поговорить с тем, кто меня понимает. Трубку взяли быстро, голос был строгим, и я поняла, что разговор будет неласковым.

— Не случилось ничего, — честно сказала я.

— Тогда что?

— Не знаю. Больно. Иду вот, а куда...

— Снова драма? — уточнил голос. — Чувств много, да? Захлёбываешься.

Голос меня цитировал, но не насмехался над моей ситуацией. Мне было непросто в том, что я проходила, и я не понимала, почему.

— Что чувствуешь? — спросил голос.

— Что я одинока и никому не нужна.

Вот тут я разревелась. Напугала проходящую мимо собаку, которую вела на поводочке тётушка. Обе ретировались. Я

ревела в голос, причитая, что меня все бросили, что никто...

— Никто тебя не бросил. У тебя есть ты...

— Хочу на ручки... хочу быть маленькой.

— Ты сейчас именно маленькая, — внятно говорил голос,
— возьми себя на ручки сама.

— К маме...

— К какой ещё маме? Оставь человека в покое. У неё своя жизнь. Прошу тебя, очнись...

И я очнулась. Я искренне поблагодарила голос. Я плакала и плакала. Уже тихо, уже легко. Слёзы высыхали, стягивали кожу.

Ветер.

Мне столько раз говорили, что пора бы мне повзрослеть, самой себе стать поддержкой, защитой и так далее. А я слушала, кивала. Я соглашалась. Но до дела не доходило.

Сейчас дошло.

Я на прогулке. Я одна. Я хочу на ручки.

Я беру себя на ручки: «Баю-бай... спи, Малышка, засыпай».

Слёзы и слёзы. И пусть. Поплачем рядом. От переполняющей нас нежности. Я и моя маленькая версия меня. Ох, как нам сейчас никто не нужен рядом. Как хочется побыть вдвоём.

— Ты давно здесь?

— Я давно здесь. С кем я говорю...

Я открыла глаза и увидела его. Того самого, кто вломился ко мне в дом, ошибившись квартирой, в поисках какой-то Тани. Кто после ждал меня у подъезда и не дождался.

— Ты пришла ко мне? — спрашивает.

— Вообще, я шла к себе. Но это неважно. Ты здесь живёшь?

— В соседнем доме, — он указал на ближайший.

Я сидела с закрытыми глазами. Долго ли? И это выглядело со стороны странно, наверное. Я не хотела, чтобы меня видели. Это пустой двор. Но меня увидел именно он.

— Давай руку, — сказал он. — Пойдём.

— Куда?

— Провожу тебя домой. Мне как раз...

— А мне нужно домой?

— Не знаю. Нужно?

Руку я подала. И имя назвала. И его имя услышала. Марк. Редкое, едкое. Мы говорили о чём-то, но я не помню. Я слушала себя и задавала себе вопросы на тему, как случилось то, что случилось: наша случайная встреча, наша отменённая встреча, наша ещё одна...

— Марк! Вот и ты... — по дорожке к нам шла девушка.
— А это?

— А это моя знакомая, — Марк улыбался этой с дорожки.

— Таня, — она протянула мне руку. Я слабо тронула пальцы и промямлила своё имя.

— Мне нужно... — я хотела быстро уйти.

Мне показалось, что меня обманули. Он же вроде ко мне пришёл, я его случайно нашла. Это же судьба. Но нет. Он же должен... мы же должны... какая ещё Таня? Я сделала два шага и оступилась. Меня подхватили его спокойные руки и ещё две мягкие ладони поддерживали опадающую голову. У Тани заботливая суть. Как жалко, она ещё и добрая.

Мы заплыли в мою квартиру втроём.

— О, у меня такая же планировка. А... точно, я же живу этажом ниже в этой же стороне, — сказала Таня.

— Идите, — сказала я. — Не нужно обо мне хлопотать. Я в порядке. Я дома. Я здесь всё знаю.

И они ушли. И осталась печаль. Моя печаль стала морем, а затем океаном.

К вечеру я, поговорив с тёплым человеком, который мне помогает, начала понимать, что у всех свой путь. И Марку изначально нравилась Таня. Он с ней и гуляет. И это нормально. Но меня узнал, это приятно. Пусть будут счастливы. Они такие оба замечательные.

«Как чувствуешь себя?..» — пришло сообщение ближе к ночи. Точно, я же успела дать ему свой номер телефона.

«Мне уже лучше», — отвечаю на сообщение. И, кажется, благодарю за заботу.

«Я хочу пригласить тебя в кафе», — пишет.

«А что, Таня уже закончилась?» — хочу написать и стираю.

«А Таня?» — стираю.

«С Таней?» — стираю.

«Я увела тебя у Тани. Вопрос», — это я отправила. Возможно, я покажусь наглой. Но я и есть наглая.

«Мужик не бык на верёвочке, его не увести».

«Ты сам ушёл?» — спрашиваю.

«Я не ушёл, я здесь».

И что мне делать? И хочется, и колется. Не хотелось бы мне быть такой Таней, чей ухажёр приглашает ночами другую девушку в кафе. Не хотелось бы мне быть и на месте того, кому понравился другой человек, когда он уже встретил раньше кого-то, причём хорошего, красивого. Может быть, нет искры? Может быть... мне нужен совет.

Колода карт. Достаю, давай... «Энергия цветов поможет вам», — говорит карта. Ясно. Не сюда.

Маятник. Беру в руки. Дрожат пальцы. У маятника шторм. Нельзя.

Книга. Открыть на странице девяносто, шестьдесят, пят-

надцатой, двадцать второй. «Твой путь определяется...», — заткнись.

«Милый Бог, мне нужна помощь. Соглашаться ли?»

«Соглашаться ли?» — отправляю я сообщение близкому человеку. Он привык. Ему можно.

«А сама как думаешь?» — доходит ответ.

«Я на потолке сижу».

«Выдыхай и делай то, что хочешь. Даже дверь в ошибку — это дверь. Не поймёшь, что ошибка, пока не войдёшь».

Искушает. На опыте. Понимаю.

«А ты здесь?» — приходит сообщение.

«Я здесь. Я думаю. Я не знаю, хочу ли я...»

«Хочешь чего? Кофе? Не знаешь, хочешь ли кофе?»

«Кофе?»

«Да. И не сейчас. А днём. Завтра. В кафе со мной».

«Кофе завтра в кафе с тобой...»

Я написала, что не хочу. Десять мечей воткнулись в мою спину, и я упала замертво.

«Точно?» — приходит сообщение.

«Неточно», — ответила я.

Мне просто нужно время, чтобы подумать, обдумать, додуматься. Время, заходи.

И пришло Время. Время достало мелок и стало медленно

и спокойно чертить границу между мной и другими, между моей жизнью и чужими, между моими чувствами и чувствами других людей.

Я не могу проснуться, хотя уже за полдень. Я хожу по дому, что-то делаю, что-то ем, пью. Мне кажется, что я в чьём-то сне брожу по мягкому полу в доме с облачными стенами. Воздух здесь влажный. Мои веки под его тяжестью опускаются, скрывая от меня свет.

Я слышу, как приходят сообщения одно за другим. Я не хочу отвечать. Я не...

Звонок.

Телефон звонит.

Ещё звонок. В дверь звонят. Глазка нет, не думала, что он мне понадобится. Я беру вибрирующий телефон, вижу на нём короткое имя, упекаю «помеху» под диванную подушку: «Полежи пока». Я ползу к двери, я открываю дверь.

— Марк...

Он отнимает руку с телефоном от уха.

— Я понимаю тебя, — начал он. Затем влетел на мой порог и поцеловал меня. Быстро, плотно, но осторожно. Зыркнул в мои глаза, чуть отпрянул, приготовился защититься от атаки...

— Какой там, — говорю, — нет у меня сил тебя колотить

за дерзость. Все ушли на мысли о тебе. Не ем, не сплю. Молодец, что зашёл. Не даёшь мне шанса сбежать.

— Я хочу... — начал он.

— А я не хочу, — ответила я с лёту. — Не хочу делить тебя с Таней. Не хочу ждать и не дожидаться твоих сообщений. Не хочу новых отношений: эйфории в начале, первых скандалов, первых компромиссов... первого одиночества в слезах.

И тут я разревелась конкретно. А он прошёл в прихожую и сел на обувную тумбочку. Куртку, шапку он не снял. Сел и всё.

— Я понимаю тебя, — сказал он.

Я на терапии. У меня, как и у многих, гора травм и армия страхов, комплексов. У меня свои принципы, которые не стоят ничего, потому что не я их создала, но мне их навязали. Я не позволяю себе делать то, что хочу, и заставляю себя соответствовать ожиданиям, играя роль хорошей девочки.

Марк сидел в прихожей молча. Я роняла слёзы.

Моя Тень перестала бродить вокруг да около, обняла меня за плечи: «Я здесь», — и я съехала по стене под тяжестью её рук. Я закрыла глаза и, кажется, отключилась. Кричать не хотелось — Тень не будила ярость. Она держала мои руки, поглаживала их, грела: «Ты не хорошая и не плохая. Ты раз-

ная. И я прошу тебя, дать мне жить», — «А я не даю?», — «Нет. Прячешь, затыкаешь. Травмируешь», — «Я не хотела», — «Я знаю. Позволь мне выйти и быть. Я есть. Я хочу быть с тобой».

Я слушала голос Тени и теряла очертания. Я теряла ощущения себя. Я менялась. Я будто бы парила, а потом оказалась на чём-то мягком, приятном, тёплом. И что-то живое обнимало меня, обнимало, обнимало.

— Ты нужна мне вся, — услышала я. — Потому что совсем недавно я понял, что сам себе нужен весь...

— Моя терапевт говорит, что это для меня важно быть нужной себе самой, — мои губы еле двигались. Я поняла, что касаюсь ими его уха, так близко он был.

— А ты вся — это и хорошая, и плохая...

— Я плохая. Я увела тебя у Тани.

— Интересно мне, как ты это сделала? — спросил Марк.

— Я не знаю.

Я закрыла глаза и отдала свои ладони, плечи и освободившиеся от заколок длинные волосы в его руки.

— Я за Марком, — на пороге стояла Таня.

— Пакетик нужен? — спрашиваю.

Иду в комнату, объясняю ситуацию. Таня ждёт в прихожей. Трудного разговора не избежать.

— Таня... — Марк стоит перед ней, сутулится.

— Он и тебя так же кинет, — она переводит взгляд на меня.

— Догадываюсь, — отвечаю.

Я и правда знаю о непрочных конструкциях отношений. О внезапном переводе стрелок.

— И что мне? Не жить теперь? Не пробовать?..

— А мне? — воскликнула Таня.

— Ты же сказала, что мы просто друзья, — вмешался Марк.

— Я...

— Это правда? — уточнила я. Таня кивнула. — Ты затеяла нечестную игру, подруга. И нам всем нужна пауза.

Отношения — путь. Через кого мы будем расти, зреть эмоционально. Кто заденет наши болевые точки и, если повезёт (что не факт), поможет через них пройти. Кто утешит, создаст островок покоя, кто поможет разрушить ложный мир.

С кем мы готовы идти в отношения? С надёжными, сильными, красивыми... неправда всё это. Любое представление о человеке — иллюзия. Какие мы сами? Как отражаемся в глазах других людей? Что о нас думают? (Нам не должно быть до этого дела, конечно, но всё-таки.) Какие иллюзии о нас носят, что соглашаются на отношения, на сотрудниче-

ство, на дружбу с нами?

— Я хочу быть с тем, кого выбирает моя Душа, — мы с Таней пили чай на моём балконе.

— Мне показалось, что Марк пришёл для меня, — ответила она.

— Может быть, так оно и есть. И я не знаю, почему он свернул. Я даже не спрашивала. Да и что тут скажешь? Я не выгнала. Тогда не было сил, сейчас нет смысла. На что опираться, изгоняя его из своей жизни? На то, что ты, Тань, хочешь быть с ним? Это солидарность...

— Обидно мне, — призналась Таня.

— Понимаю. Честно. Очень понимаю. Сама горюю об этой ситуации. Не хочу, чтобы у меня хоть что-то так началось.

— Твоя Душа его выбрала?

— Я пока не знаю. Вина, стыд, страх повтора боли перекидывают её.

В дверь позвонили. Таня ушла. Марк зашёл. Я мыла чашки.

Прошло же столько времени... она всё ещё не здороваётся.

— Таня...

— Мне не нужна твоя дружба, — сказала она и ускори-

лась.

— Таня, в этом доме видеокамеры. Я вижу, что ты подходишь к моей двери. Стоишь и уходишь. Ты к Марку? Он у меня не живёт, — я ковыляла по глубокому снегу, силясь догнать её.

— Плевать мне на него!

Она запустила руку в сумку, вынула мандарин и, блеснув глазами, швырнула его в меня: «Н-на!» Я увернулась. В белоснежном полотне появилась дырочка с зияющей оранжевинкой.

— Не очень-то и хотелось, — я двинулась в сторону подъезда.

— Почему ты не бросила его?

— Он не вещь, — теперь меня догоняла Таня. Я на всякий случай, опасаясь нового мандарина, поглядывала на неё.

— Ты спишь с ним?

— Не твоё дело.

— Я не хотела тебя делить с ним, — Таня кричала.

— И не надо.

— Я любила его...

— Ага. Любительница, — я повернулась к ней. — Тань, ты выдумываешь. Реально. Ты просто зависла. Но он же явно не твой человек. Что ты завихрилась рядом с тем, кто тебе даже другом толком не был?

— Я хотела опираться на него... Я думала...

Это большая проблема, подруга, реализовывать хотелки свои через людей живых. Свою жизнь взваливать на их плечи. Поддержка может быть, но она дело краткосрочное и добровольное. И нужна только тем, кто падает.

Ты падаешь? Или срываешься?

Откуда срываешься? С обрыва срываешься?

А почему ты с него срываешься? Спиной к нему стоишь?

Так ты развернись, увидь пропасть и не выбери в неё шагать.

— Ты любишь его?

— Это неважно, Тань. Я тебя понимаю. Я искала тоже, я хотела, ждала, плакала... я обламывалась и обжигалась. Знаешь как?..

— Что же поменялось?

— Я полюбила себя... Ох, ты! — я увернулась от очередного мандарина.

Я понимаю, что звучит банально. Я понимаю, что сделать трудно. Я понимаю, что это пустые слова. Но это не слова. Это путь. Путь к состоянию «люблю» (а не к чувству).

Чтобы на него выйти,

нужно покинуть путь «я должен миру, мир мне должен»;
позакрывать двери в комнаты «страдаю», «требую»,

«жду»;

снять со стены плакат со списком, каким человеком желательно стать;

отказаться от претензий и обид.

И главное: свой Путь — это вынутая из золочёного багета и порванная на сотни невозстановимых кусочков картина мира.

Нет картины.

Мир изменчив.

— Как прошло? — спросил Марк.

— Мандариново.

Катрин Аполлонова, 2026г.

Александра Сарбукова

Голос

«Мне был нужен этот шанс»

Глава 1

170, 180, 190 км/ч — стрелка спидометра дрожала у отметки 200.

Анна вытерла рукавом слёзы и нажала на газ. Мотор взревел, новенькая БМВ полетела по ночной трассе, едва касаясь земли.

Анна достала из кармана халата телефон, бросила его на сиденье и отрыла окно. Порыв ветра разметал её рыжие кудри, ещё влажные после душа.

«Как он мог?! Опять?! И с кем?! Боже, какая же я дура!»

Раздался звонок. Она ответила не глядя.

— Ты где?! Серёжа сказал, что ты уехала в истерике, трубку не берешь. Что случилось?! — закричал взволнованный женский голос.

— Привет, Маш, — Анна шумно выдохнула. — Я решила покататься. Ночью хорошо так, дороги пустые.

— Аня, хватит! Он сказал, что вы поссорились. Не надо мне врать, я твоя лучшая подруга вообще-то!

— Так он с тобой поделился? Ну и замечательно, а мне зачем звонишь? Сверить показания? Или совесть свою очистить? — Анна прибавила скорость. — Катаюсь по городу, нарушаю правила — хочется быть ближе к тебе.

— Ты о чём? Ты пьяная, что ли? — голос подруги слегка дрогнул. — Какую совесть? Аня, прошу тебя, останови машину и скажи мне, где ты, я сейчас приеду.

— Маш, тебе не идёт роль ангела-хранителя. Я видела вашу переписку.

В трубке сделалось тихо.

— Переписку?

— Переписку, Маш, переписку. Это когда пишут. И присылают фото разных частей своего тела, — Анна почти кричала. — Знаешь, я сомневалась во многом и во многих, но был человек, в котором я была уверена. На которого я не боялась положиться, которому могла доверить самое сокровенное. Этим человеком была ты. Я думала, что мы с тобой на века. Боевые подруги. Сёстры... Он-то кобель — это ни для кого не секрет, но ты? Маша, как ты могла? Как?!

— Перестань говорить ерунду! Это было один раз, и вы с Сергеем тогда были в ссоре. Я напилась, сидела скучала, а тут от него пришло сообщение... — громко затараторила Маша. — Аня, мы все взрослые люди, такое случается иногда. Это ничего не значит, поняла?

Анна расхохоталась.

— Конечно, Машенька. Я поняла тебя, бывает. Счастли-

вого тебе пути!

Телефон с треском разлетелся по трассе. Девушка замаскировала громкость и заорала. Вместе с телефоном вдребезги разбилась её жизнь. Лучшая подруга — любовница её мужчины. Классика мексиканских сериалов! Надо было гнать этого донжуана, а не прощать его! Кстати, именно Маша уговорила их помириться, а потом радовалась, поздравляла с «медовым месяцем».

90, 80, 60 км/ч — автомобиль устало остановился на обочине.

Начался ливень, живописные капли потекли по стеклу, превращая дорогу в акварельный этюд. Анна провела пальцем по серебристой струйке, и у неё заболело в груди. Она так и не разучилась видеть красоту жизни, хотя давно бросила рисование ради престижной работы в энергетической компании.

Много лет ей казалось, что у неё есть всё: внешность, карьера, друзья, парень. Она думала, что этого достаточно для счастья. Сегодня она поняла, что ей просто казалось, а на самом деле её жизнь — какой-то нелепый фарс, дешёвая подделка, которая треснула при первой же проверке.

Девушка вышла из машины и поплелась по разделительной полосе.

Полная луна целовала кроны деревьев, тишина наполняла глаза водой, а голову воспоминаниями.

500 м, 400 м, 300 м — протяжный звук сигналящей машины разрезал пустоту.

Анна вздрогнула. Вспышка фар ослепила её, она закричала и закрыла лицо руками.

В сознании пронеслось: «Это конец...» А потом наступила темнота.

Глава 2

Вечернее солнце тянуло лучи сквозь тонкие занавеси комнаты. В самом центре ее, опираясь одной ножкой на плетеный круглый коврик, стоял мольберт с акварельным натюрмортом. Рядом были разбросаны краски, тряпочки и кисти.

Анна удивилась. Эта комната была поразительно похожа на ее детскую. Она не могла вспомнить, как оказалась здесь.

— Аня, иди ужинать! — раздался мамин голос из кухни.

— Сейчас, мам, мне нужно дорисовать, — машинально ответила Анна.

Она тихонько подкралась к двери и выглянула в щёлку: мама стояла у плиты, жарила что-то и болтала по телефону, держа трубку плечом. На вид маме было лет сорок, хотя на самом деле ей уже к шестидесяти. «Я что, сплю?»

Анна прикрыла дверь и вжалась в стену. Она уже пятнадцать лет не жила с родителями, и только когда приезжала

на праздники, оставалась ночевать в своей комнате.

Но это место было совсем другим. Это была та самая детская, где она играла в куклы и засыпала в обнимку с плюшевым медведем. Плакаты на стене, старые обои, мольберт, деревянный стол, изрисованный чёрным маркером.

Анна подошла к натюрморту и дотронулась до него — на кончиках пальцев остались следы акварели. Происходящее совершенно не укладывалось в голове.

— Аня! — дверь широко распахнулась, и на пороге выросла мама в цветном переднике поверх платья. — Ты долго ещё будешь заниматься своей ерундой? Быстро есть!

Не дожидаясь ответа, мама отвернулась и пошла по коридору.

— Это не ерунда, — слова сами собой выпали из Анны и достигли маминого слуха на полпути к кухне.

— Что? — мама остановилась.

— Это не ерунда, — тихо повторила девушка. — Я приду ужинать, когда закончу.

— Закончишь что? — в голосе мамы прозвучали до боли знакомые железные ноты.

— Закончу выпускную работу для художественной школы.

— И что потом? Станешь портреты за три копейки рисовать?

— Возможно. Главное, я буду рисовать.

— Аня, опять ты за свое! Прекращай давай. Хочешь мале-

вать — малюй в свободное время, но я не допущу, чтобы ты загубила свою жизнь! Мы уже всё обсудили. Решение принято. Тебе нужна нормальная профессия, а не вот это всё! — мама ткнула ложкой в сторону мольберта.

— Мам. Я не пойду в менеджмент. И в юридический не пойду. И на экономический. Я хочу быть художником. Ты слышишь меня?

Кто говорил эти слова, Анна не понимала. Рот открывался помимо её воли, и оттуда, словно пули из ружья, вылетало самое сокровенное, хранимое годами.

Ни за что на свете в свои шестнадцать она не сказала бы такого матери. Генеральный директор компании — мама всего добила сама: купила квартиру, машину, определила дочь в престижный вуз. Она была айсбергом, о который вдребезги разбивались робкие кораблики детских чувств и желаний.

Мама медленно подошла к дочери и пристально посмотрела в её глаза. Сердце бешено заколотилось, Анне казалось, что она вот-вот потеряет сознание, но она не отвела взгляда...

«Давай, милая! Вот так! Молодец, дыши глубже!» — слышалось Анне будто бы издалека.

Очертания комнаты стали расплываться, вместо них появился монитор и лицо женщины в маске. В руке у неё был

ватный тампон, который она совала Анне в нос. Заметив, что та открыла глаза, женщина обернулась и крикнула: «Отбой, ребят, очнулась!»

— Что со мной? — прошептала Анна и попыталась подняться.

— Вот и мы хотели бы это знать, — женщина надела ей на руку прибор для измерения давления. — Гуляешь в халате по трассе, пугаешь водителей, сама чудом жива осталась!

«Дайте, пожалуйста, пройти!» — в карету скорой помощи влетел Сергей, весь красный, растрёпанный, в свитере и растянутых трениках.

— Аня, Анечка, как ты, что у тебя болит? Зачем ты уехала? Что случилось?

— Молодой человек, отойдите. Всё с ней в порядке, пара ушибов, возможно, сотрясение мозга. Кто его сюда пустил? — женщина в маске решительно отпихнула Сергея.

Он покорно отступил на шаг и только прерывисто дышал, стараясь не мешать доктору.

Анна молча посмотрела на него, испуганного и растерянного, а потом протянула ему руку и заплакала.

Глава 3

Анна разглядывала небо из-под пушистого одеяла. По лазурной глади степенно плыли кудрявые облака, летнее солнце шурилось и пряталось в рыжих локонах, разбросанных по

подушке.

Утро настойчиво звало Анну. Она нехотя скинула с себя остатки утренней неги и залезла под душ.

Стоя под упругими струями воды, она задумалась о том, что ещё пару дней назад готова была всё бросить, чтобы обрести наконец свободу, начать жить своей жизнью, но почему-то не бросила.

«Не обманывай себя», — отчетливо сказал кто-то внутри неё.

От неожиданности Анна вскрикнула, рванула дверь и выскочила из душевой. В ванной никого не было. Она завернулась в полотенце, провела рукой по запотевшему зеркалу и сочувственно кивнула своему отражению. Доктор из скорой предупреждала, что на фоне стресса от испуга может случиться бессонница или даже паническая атака.

Квартиру окутывал терпкий запах кофе. Анна с наслаждением вдохнула густой аромат, прошлепала босыми ногами по коридору и остановилась на пороге кухни. На столе стояли две тарелки с тостами и баночка малинового джема. Сергей сосредоточенно колдовал над туркой. Анна чмокнула его в щёку и налила воды в чайник.

«Ты же обожаешь кофе», — сказал тот же голос внутри.

Анна вздрогнула, прижала руки к ушам и опустилась на стул.

— Ну, ты пока завтракай, а я в душ, — Сергей взъерошил

её кудри и растворился в коридоре.

«Скажи ему правду», — зазвучал голос, как только де-
вушка осталась одна. Анна ущипнула себя за нос, чтобы убе-
диться, что она не спит.

«Простой и честный разговор лучше удобной лжи».

— Да кто ты такой? У меня что, галлюцинации?

— Вовсе нет, ты часто думаешь обо мне по ночам.

Анна покрылась холодным потом. С самого детства она
чувствовала, что у неё есть ангел-хранитель. По вечерам она
тайком обращалась к нему, благодарила за помощь, расска-
зывала о своих желаниях. Ей казалось, что он незримо при-
сутствует в её жизни, оберегает, приносит удачу. Она окон-
чательно уверилась, что за ней кто-то приглядывает после
того, как чудесным образом не попала под колёса автомоби-
ля. Но чтобы ангел заговорил с ней... Видимо, врачи про-
глядели что-то, а теперь у неё в голове появились голоса.

Анна тяжело вздохнула, пригладила непослушные кудри
дрожащими пальцами и прошептала: «Не может быть».

— Почему не может? Ангелы есть у всех, только не все их
слышат. В каком-то смысле тебе повезло.

— А где гарантия, что ты не последствие стресса?

— Гарантии — это изобретение человечества, в мире их
нет, — эхом отозвался голос.

— Зачем ты говоришь со мной?

— Ты сама меня об этом просила. Много раз, — ангел
помолчал и добавил. — Разве можно оставаться с тем, с кем

уже давно всё кончено? То, что должно произойти, всё равно случится. Решайся. Потом будет сложнее.

— Аня! — послышался голос Сергея. — У меня для тебя есть сюрприз!

Голос умолк. Анна неподвижно сидела на стуле, машинально поднося к губам чашку. В дверях появился Сергей. Глаза его блестели задорными огоньками, он нетерпеливо переминался с ноги на ногу, пряча что-то за спиной.

— Ань. Я недавно понял, что ты для меня значишь, — робко начал он. — Я такого никогда раньше не делал, поэтому ты уж не суди строго.

Сергей приблизился и вручил ей бархатную коробочку, перевязанную белой атласной лентой.

— Открой, это тебе.

Время превратилось в липовый мед, медленно капающий с ложки. Анна будто со стороны наблюдала, как развязывается лента, как открывается коробочка. Внутри сверкало кольцо и пестрела записка с надписью: «Выходи за меня». Время остановилось. Сергей сиял радостью, бриллиант переливался радужным весельем. В этой паузе между вдохом и выдохом, в этой невообразимой тишине оглушительно прозвучало: «Сейчас».

Золотые пружинки кудрей коснулись стола и решительно подпрыгнули, когда она подняла на него глаза, полные слез.

— Прости меня. Я не могу быть твоей женой. У нас было много прекрасных мгновений, но я не готова взять из них

полотно судьбы. Прости меня.

Сергей отшатнулся и растерянно смотрел то на коробочку, то на Анну.

«У тебя получилось», — тихо пропел ангел.

Глава 4

Воздух в городском парке благоухал яблоневым цветом. Отовсюду слышались щебет детского смеха и павлиньи шутики студентов, отдыхающих прямо на газоне. Анна сидела на сутулой скамейке и рисовала веткой круги на асфальте. Тёплый ветер беспечно путал её золотые волосы, касался ресниц, заигрывал с подолом летнего платья, найденного в тайниках шкафа.

Она глубоко вздохнула и посмотрела на небо. Ей почудилось, что где-то там, в бирюзовых просторах, лежат ответы на её вопросы. Но как дотянуться до них? Много лет назад, когда она ещё была девочкой с непослушными косичками, небо казалось намного ближе. В те годы она умела мечтать. Желать. Творить. А теперь потерялась в собственных сомнениях.

Анна поднялась и пошла по тропинке вглубь парка. Ароматные кусты сирени, величественные кроны дубов, птицы в гнездах, одуванчики вдоль дороги — всё это было на своём месте. У всего была своя судьба, свой путь, свой смысл. А у неё самой ничего этого не было. Она ощущала только

пустоту, которая ворвалась внутрь и безжалостно крушила опоры, на которых стояла её жизнь.

Почему-то вспомнилась Алиса из «Страны Чудес», падающая в бездонную яму. Но даже у Алисы была цель: она бежала за белым кроликом. А за чем бежала Анна?

— Ты тут?

— Да, — ответил ангел.

— Почему ты пришёл?

— Потому что ты запуталась и позвала меня.

— Знаешь, мне не стало легче от того, что я рассталась с Сергеем.

— Искать дорогу бывает сложнее, чем просто идти по ней.

— Я даже не понимаю, что именно ищу.

— Себя, конечно. Всё остальное найдётся само собой.

— И что мне теперь делать?

— А что тебе хочется сделать прямо сейчас?

Анна задумалась. Около неё беспечно кружилась бабочка. Девушка проводила её солёным взглядом и прошептала:

— Я хочу позвонить Маше и поговорить с ней.

— Для чего?

— Она все ещё моя подруга. Думаю, нам нужен честный разговор.

— А много ли у вас было честных разговоров раньше? — тихо спросил ангел.

Анна стала перебирать в голове ссоры с Машей. Обычно

они заканчивались долгим молчанием. В конце концов, Анна не выдерживала и писала что-нибудь вроде: «Привет, как дела?». Маша отвечала как ни в чём не бывало, а через день-два обе девушки уже весело смеялись в кафе, стараясь не вспоминать о прошлом.

— На этот раз я хочу ясности, — Анна решительно достала из сумочки телефон.

В трубке послышались протяжные гудки.

— Маш, это я.

— Здравствуй, — от разговора повеяло холодом.

— Давай встретимся. Мы с тобой близкие люди, неужели мы не найдём выхода из этой глупой ситуации? Пойдём пить кофе завтра, поговорим по душам.

Повисла ледяная пауза. Пустынное предчувствие подкралось к горлу Анны и защекотало в глазах.

Маша медленно выдохнула и произнесла:

— Нам не о чем с тобой говорить. Пока.

Глава 5

Мама была абсолютным чемпионом по непрошеным нашествиям. Она могла позвонить в дверь рано утром или неожиданно оказаться в магазине возле дома Анны. Если у мамы появлялась идея, она тотчас бросала все силы на её воплощение. Ей были неведомы никакие преграды, особенно те, что касались встреч с «собственной дочерью».

Анна пила свой воскресный кофе, когда на телефоне вы-

светилась мамина фотография.

— Анечка, я сейчас заеду, привезу тебе клубнику.

— Ой, а я уже собираюсь уходить. Может, я сама вечером заскочу? — зачем-то соврала Анна.

— Я уже близко, у тебя что, минутки для матери не найдётся? — в её голосе послышалась обида.

— Стою у лифта, никак не получится, извини, мам, — Анна подлетела к входной двери и стала греметь ключами.

— Ясно. Вечером меня не будет дома, оставлю клубнику у консьержки. Заберёшь, как вернёшься.

Удивительно, как стремительно мама меняла тон беседы. За всю жизнь Анна так и не смогла привыкнуть к температурным перепадам маминого настроения. Она сунула телефон в карман и собралась было допивать кофе, но заметила кусочек испачканной старой тряпки для кистей, торчащей из шкафа в прихожей. Анна открыла дверцу.

Из глубины полка на неё смотрела папка с рисунками. Анна аккуратно достала её, положила на пол и села рядом. Здесь хранилась память о временах, когда она ещё была полна творчества. Она дотронулась до пыльной поверхности прошлого, и её захлестнули картины из детства.

Вот она пятилетняя принесла маме подарок на день рождения — её портрет на альбомном листе. Мама положила

рисунок в ящик стола и забыла о нём. Через год Анна случайно увидела краешек своего подарка торчащим из мешка для мусора.

В тринадцать лет её натюрморт попал на школьную выставку. Родителей пригласили поучаствовать, но у мамы в тот день было много работы. Маленькая Аня ждала её в холле до вечера, но мама так и не пришла.

В шестнадцать лет она решила бросить школу и учиться в художественном колледже. Мама была категорически против, кричала, что у неё болит сердце от «всяких дурацких затей» дочери, и Аня сдалась.

Она так мечтала стать художницей, но ещё больше хотела, чтобы мама гордилась ей. Кисти и краски были похоронены в дальнем углу комнаты. Аня навеки рассталась с живописью.

Этим вечером она снова встретилась со своим творческим прошлым. Анна раскрыла папку и стала перебирать рисунки: карандашные наброски, эскизы к картинам, учебные работы из художественной школы.

— Ты талантливая, — заметил ангел.

— И что с того? Это никому не нужно, — прошептала Анна.

— Это нужно тебе, — ангел немного помолчал. — На всяком пути встречаются камни. Преодолеть их — значит пройти путь. Может быть, твоя мама однажды споткнулась и не сумела подняться. Не вини её. У тебя другая дорога, и толь-

ко тебе решать, будешь ли ты лежать в пыли или двинешься дальше.

Анна ничего не ответила. Она положила ладони на папку и задумалась. От слов ангела в сердце будто зажглась искорка. Потом ещё одна. И ещё. И ещё...

Она резко встала, бросилась к шкафу, вытащила оттуда старый, замазанный красками мольберт и по-детски засмеялась.

Глава 6

«Арт-студия» — гласила вывеска на козырьке подъезда. Анна поправила лямку сумки с палитрой и красками и позвонила в домофон.

«Второй этаж», — сказал приятный мужской голос. Девушка поднялась по лестнице и распахнула деревянную дверь с надписью «Мастерская».

Внутри было просторно и светло. Повсюду стояли мольберты, вдоль стен выстроились стеллажи с холстами, кистями и банками с растворителем.

— Вы, наверное, Анна, очень рад. Я Роман, — молодой мужчина с улыбкой протянул ей руку.

— Я тоже. В смысле, рада, — Анна потупила взгляд.

Природа щедро одарила Романа привлекательной внешностью. Высокий, статный, зеленоглазый, с выющимися смо-

ляными волосами, он был похож на греческого бога, который спустился с небес, чтобы нести в мир красоту.

— Хотите чай? — преподаватель забрал у Анны сумку и подвинул ей табурет.

— Если можно.

Роман протянул девушке чашку с тёплым напитком, а сам сел напротив и внимательно посмотрел на неё. Анна опустила глаза и поправила юбку.

— Давайте я расскажу о себе. Я художник, эту студию открыл недавно. Я обожаю своё дело, стараюсь научить моих студентов чувствовать живопись и писать сердцем, а не только рукой, — Роман провёл пальцами по краю мольберта. — У Вас есть какой-то опыт?

— Да, но я очень давно не брала в руки кисти, — прошептала Анна и покраснела.

— Ну что Вы, не стоит стесняться, — он тронул её за плечо. — Начнём с набросков.

Анна молча кивнула. Роман очинил карандаш и сел на гипсовый куб.

— Я буду Вашей моделью. Не думайте о технике. Чувствуйте. Расслабьтесь и позвольте интуиции вести Вас.

Анна покорно взяла карандаш, вздохнула и сделала пару штрихов.

Следующие две недели прошли как во сне. Анна с нетерпением ждала занятий, подолгу решала, какое платье надеть,

и боролась с бабочками в животе при виде преподавателя. Роман встречал её горящими глазами и горячим чаем, а провозжал тёплыми объятиями и комплиментами.

В один из таких дней пошёл грибной дождь.

«Как прекрасно лето, как загадочно!» — Анна распахнула заветную дверь в мастерскую.

Роман был не один. Яркая блондинка резко отстранилась от него и оглянулась на непрошенную гостью. Роман пригладил растрёпанные волосы и сунул руки в карманы брюк.

— Анна? Разве занятие сегодня? Мы же договаривались на четверг.

Анна стояла как истукан, и по лицу её плыли красные пятна. Сегодня была среда. Не её день и не её очередь. Сегодня смеялась и солнечно сияла другая муза.

— Извините, — только и смогла вымолвить девушка и пулей вылетела из студии.

Она пронеслась по двору, свернула за угол, села в машину и разрыдалась.

«Какой ужас, какой кошмар! Что же теперь делать?» — носилось в голове.

— Рисовать, — сказал ангел.

— Что? Автопортрет наивной идиотки? — закричала Анна.

— Свои чувства. Так ведь настоящие художники и делают. Искренность — истинное искусство. А что может быть

искреннее боли?

Анна вытерла слёзы и вздохнула. Сквозь лобовое стекло она смотрела на розовый закат, на лужи, в которых отражалось небо, на людей, спешащих с работы. Внутри неё мало-помалу начали сплетаться разноцветные нити, приправленные горечью души. Она схватила сумку, вынула из неё альбом и решительно набросала эскиз картины.

Глава 7

Анна достала из-под кровати старую обувную коробку и вывалила её содержимое на кровать. Открытки, письма от друзей, школьные фотографии. «Вот он!» — она повертела в руках блокнот с пожелтевшими страничками, на которых были записаны телефонные номера.

Мамина работа, Раиса-математичка, Преображенский Сергей Владимирович — художник.

Непослушными руками Анна набрала последний номер.

— Алло, кто это? — спросили в трубке.

— Сергей Владимирович, это Аня Старостина, Ваша ученица. Вы меня помните?

— Анечка, ну как же не помнить. Моя любимица! Какими судьбами?

— Я тут нашла Ваш домашний телефон, — слёзы радости беззвучно потекли по её щекам. — Как Вы поживаете?

— Старый стал, Анечка. Живу один. А ты приезжай в го-

сти, чай попьем, поговорим.

— Приеду.

— Вот и хорошо. Работы не забудь! Адрес тот же.

Анна припарковала машину во дворе, вышла и огляделась. За много лет здесь почти ничего не изменилось. Та же скамеечка возле подъезда, каменная клумба с цветами, те же кусты сирени под окнами.

Она вынула из багажника папку с рисунками и коробку с тортом. Поднялась по лестнице и позвонила в дверь. В доме раздались шаркающие шаги и звон ключей.

— Анечка, это ты! — обрадовался Сергей Владимирович.

— Ой, Вы теперь с тростью ходите? — удивилась Анна.

— Что же поделать, не научился я властвовать над временем. Какая ты красавица! Расцвела, совсем взрослая стала! Ну, пойдем на кухню, у меня как раз чайник закипел.

Анна поставила торт на стол.

— А где Ваши картины? Вот здесь портрет висел, я помню, — она указала на стену над обеденным столом.

— Что-то продал, что-то подарил. Давно уже не писал: вижу плохо. Лучше расскажи, как ты? Небось, знаменитой художницей стала. Я твои картины до сих пор храню, — Сергей Владимирович налил Анне чай.

— Работаю в офисе. Компания хорошая, зарплата тоже. Я же на «Управлении в энергетике» училась, закончила с красным дипломом. А с рисованием не сложилось у меня.

— Ох, непросто вышло. Жалеешь?

— Очень.

— А для себя рисуешь?

— Недавно начала, — Анна вздохнула, — только пока плохо получается у меня. Вдохновения нет и времени тоже.

— Это нехорошо, Анечка. Такой талант в землю зарываешь. Рисуй. Вдохновение вернётся, оно запах краски любит.

— Не знаю, Сергей Владимирович, столько лет прошло.

— Не знаешь, говоришь? А у самой вон глаза на мокром месте. У меня в школе много учеников было, а художников — единицы. Научиться рисовать может кто угодно, но видеть картины — это дар. Нельзя так с даром, Анечка.

— Я боюсь, что не смогу ничего стоящего написать.

— И бойся! Но пиши. Душу обнажать страшно, но прятать её во много раз страшнее, — учитель прищурился и подмигнул Анне.

Они ещё долго беседовали о чем-то важном для них обоих, а потом Сергей Владимирович по-отечески обнял Анну и тихо сказал:

— Помнишь, как я на занятиях говорил: «В каждом живет Бог. Слушайте Его и пишите, тогда Он будет жить и в ваших картинах». Ты попроси Его помочь и садись к мольберту, а там и вдохновение придёт.

Анна ничего не ответила, только сжала обе руки учителя и поцеловала его морщинистую щеку.

Глава 8

Рабочий день выдался напряжённым. Начальница без устали заваливала новыми поручениями, телефон разрывался от звонков, а в добавок ко всему выяснилось, что столовую, где обычно обедала Анна, закрыли на ремонт.

Анна влетела в кафе через дорогу от офиса, попросила сэндвич с кофе и плюхнулась в кресло. Официант принёс заказ, и она с наслаждением сделала глоток горячего напитка. «Скажите, сколько нам ещё ждать? Неужели так сложно приготовить салат?» — слышалось от соседнего стола. Голос показался Анне знакомым. Она вздрогнула, словно от удара молнией, и обернулась. На диване за её спиной сидели Сергей и Маша. Его рука валялась на её талии. Он что-то шепнул ей на ухо, и Маша заливисто засмеялась. Анна резко отвернулась и уставилась в телефон. В висках застучало, щёки вспыхнули от возмущения. Анна втянула голову в плечи и вжалась в кресло.

— Тебе страшно? — спросил ангел.

— Я хочу просто исчезнуть, — она не отрывала взгляда от телефона.

— Тогда расплатись и уходи.

— А если они увидят меня?

— Пусть.

Анна достала из сумочки кошелек, положила несколько купюр на стол и быстро вышла на улицу.

Городской воздух плавился под ногами, солнце нещадно

жгло лицо. Анна кое-как доплелась до машины, написала начальнице, что ей срочно нужно к врачу, и выехала с парковки.

В голове не было ни единой мысли. Только пустота. Едкая и вязкая, словно болото, в котором тонуло всё, что было ценным для Анны. Она вбежала в квартиру и бросилась на кровать. Плакать не хотелось. Не хотелось даже дышать. Сердце сковала боль и ощущение собственной ничтожности. Анна сжала руками подушку и застонала.

— Точка невозврата пройдена, — сказал ангел.

— Они были частью моей жизни. Оба. А теперь у меня ничего не осталось. Я не понимаю, кто я. Зачем я?

— Рождаться больно. Умирать страшно. Но, если ты собираешься жить, тебе придётся познать и то и другое.

— Хватит сыпать своими мудростями! — закричала Анна. — Я бросила мужчину, с которым мне было нормально, поссорилась с лучшей подругой, перестала любить работу. Я потерялась, понимаешь? Смысл свой потеряла!

— А ты приглядишься. Мне кажется, что твой смысл как был при тебе, так и остался, — тихо заметил ангел.

— Просто оставь меня в покое!

Анна залезла под одеяло и зажмурилась. Сначала было темно, а потом в воображении поплыли образы. Лёгкие акварельные этюды. Увесистые и пронзительные сюжеты маслом. Они описывали круги в сознании, перетекали один в

другой, пока наконец не соединились в единое целое.

Анна увидела картину. Ясно и четко, будто наяву. Она откинула одеяло и открыла глаза. Образ картины не исчезал. Она спрыгнула с кровати. Вытащила из шкафа коробку с красками и растворителем. Схватила холст, бросила его на мольберт и вонзила в него кисть. Ни эскиза, ни палитры, ни наброска карандашом. Анне было наплевать на правила. Её разметавшиеся по плечам кудри сияли огнём заката. Она жадно макала кисть в краски и с невыносимым возбуждением касалась ей холста.

Время перестало существовать. Анна писала свою боль. Своё отчаяние. Свой конец. И чем больше штрихов ложилось на белый грунт, тем больше жизни рождалось в её душе.

Глава 9

Анна сидела на лавочке, поджав под себя ноги. Красный шёлк платья нежно щекотал ремешки новых туфель. Прядь волос выбилась из высокой прически и запуталась в серьгах. Анна безуспешно пыталась освободить её.

Если бы несколько месяцев назад кто-то сказал ей, что она будет участвовать в выставке молодых художников, она просто рассмеялась бы ему в лицо. А теперь её работы висят на стенах известной галереи искусств, и до открытия мероприятия осталось полчаса. Это был её звездный час. Триумф.

Мечта, ставшая реальностью.

Анна сидела на лавочке, и внутри неё росла паника. Тело трясло, во рту пересохло, мысли сплетались узлами, будто нитки в непослушных руках.

Сергей Владимирович, ребята с работы и даже мама — все они скоро будут здесь. А с ними фотографии, журналисты и толпа критиков, которых Анна боялась, как огня.

Анна вздохнула и посмотрела на небо.

— Ангел, я не хочу туда идти. Мне страшно.

— Знаю. Но вспомни, как страшно было начать рисовать. И отправлять работы на конкурс. Открывать письмо из галереи, везти картины на выставку... И ты справилась. Справишься и сейчас.

— У меня бы ничего не получилось без тебя.

— Возможно. Но у тебя получилось, — ангел немного помолчал. — Мы, ангелы, приходим к тем, кто готов услышать, готов искать, верить и бороться. Ты была готова. И ты позвала.

— А вдруг им не понравятся мои картины?

— Если в искусстве живет Бог, оно найдет своего зрителя.

— Во мне так много сомнений, — призналась Анна.

— Сомнения — это часть природы человека. Они будут рядом в минуты горя и в моменты радости. Прими их и сделай ещё один шаг.

— Наверное, ты прав. Всё-таки здорово, что я здесь сего-

дня.

— Здорово. Значит, я приходил не напрасно.

Анна сидела на лавочке, и в душе её теплым мёдом разлился покой. С тех пор, как она чуть не попала в аварию, её жизнь изменилась до неузнаваемости. И эта новая жизнь нравилась ей гораздо больше прошлой.

— Аня! Вот ты где! Пойдём, тебя уже все обыскались!

— румяная женщина в деловом костюме и с папкой в руках помахала ей из-за угла.

— Иду!

Анна встала с лавочки, улыбнулась чему-то незримому и быстро зашагала ко входу в галерею.

Глава 10

Листьями жёлтыми рождалась осень. Солнце лучами ласковыми с летом прощалось. Жаловались воробьи во дворе, что время чудес к концу подходит.

Анна распахнула окно и вдохнула свежий утренний воздух. Кофемашина запела о том, что капучино готов, и по кухне разлился сладкий аромат. На столе зажужжал телефон — Анна взяла трубку.

— Сегодня прекрасная погода, может, погуляем в парке?

— спросил шоколадный мужской голос.

— Привет, Миш. Давай после обеда: у меня сейчас в го-

стях муза, позвоню, как уйдёт, — улыбнулась Анна.

— Когда у тебя экзамены в академии? — сменил тему Михаил.

— В декабре.

— Тебе нравится там? Декан сказал, что ты способная. Мы виделись с ним сегодня, он попросил узнать, как идет учеба.

— Очень нравится! — Анна сделала глоток кофе. — Спасибо за рекомендацию!

— Пусть у вас с музой сегодня будет особенно красивый вальс.

Она отложила телефон и распустила волосы.

«У Вас невероятно живописные кудри, — Анне вспомнилось, как на выставке к ней подошёл высокий брюнет с бокалом шампанского. — Меня зовут Михаил». Он оказался управляющим галереи и прекрасно разбирался в современном искусстве. Они проговорили до закрытия мероприятия. На прощание Михаил подарил Анне коллекционный сборник работ известных художников XX века.

В ответ Анна оставила ему номер своего телефона.

Муза уже шептала свои заклинания, по спине побежали мурашки, ноги сами понесли Анну к холсту.

Она надела фартук, открыла банку с белилами и взяла кисть.

Из форточки слышалось тихое воркование. Она обернулась и увидела белоснежного голубя, который преспокойно сидел на окне.

«Это ты? — спросила Анна. — Я скучаю, тоскую по тебе. По нашим беседам, по твоему голосу».

Голубь пролетел по комнате и сел прямо на мольберт.

«Это ты!» — Анна зажмурилась от удовольствия, по телу прокатилась знакомая волна медового тепла. Когда она открыла глаза, комната опустела. Анна прислушалась. Тишина. Она ещё немного постояла у окна, мечтательно разглядывая облака в небе, а потом подошла к картине и сделала несколько штрихов на белом ангельском крыле.

Александра Сарбукова, 2026 г.

Андрей Спирин

Бегом через горы и леса к полю причин «Мне был нужен этот шанс»

На столе лёгкий беспорядок. Стопка книг по молекулярной биологии, скакалка, компас, клеящиеся бумажки с короткими записями. Поверх исчерканных листов недописанной диссертации лежала сильно зачитанная книга Марка Аврелия «Наедине с собой». Открывая её, Артем находил нужные ему ответы, получал советы от мудрого Императора, подтвержденные опытом и историей веков, через которые прошла эта книга. Он верил, что в нашем безумно быстро изменяющемся мире есть идеи, неподвластные времени и особенностям эпохи. Их он бережно собирал, переписывал, запоминал и нередко сам себе напоминал вполголоса.

На экране старого монитора открыта титульная страница: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт физиологии им. И. П. Павлова Российской академии наук», на правах рукописи, Горский Артём Сергеевич, Роль митохондриального генома в адаптации к длительным аэробным нагрузкам, диссертация на соискание ученой сте-

пени доктора биологических наук. Научный руководитель Морозов И. В., д.б.н., профессор, 2019 год. Ниже огромными буквами было допечатано «ЗАЧЕМ?».

Артём водил рассеянным взглядом по комнате. Засаленные узорчатые обои в бежево-кофейных тонах. Им, наверное, лет тридцать, не меньше. Полки с книгами, гитара, призы, медали областных и федеральных соревнований по спортивному ориентированию и бегу. На гвозде висел противогаз с приколотым к середине лба значком «Кандидат — мастер спорта», рядом фотография родителей. Старый плакат 80-х годов с изображением Эльбруса в орографических облаках возвещал: «Отдыхайте на курортах Кавказа». Всё это производило впечатление неуютной гармонии, будто декорации к фильму о позднем СССР, собранные школьницей-любителем.

Артём мысленно усмехнулся: «Да какой тут отдых, концы с концами бы свести». Он приложил палец ко лбу, нащупал морщины и попытался их разгладить. В такие моменты перед глазами возникал образ старшей сестры, будто это она проводит пальцем по его лбу, приговаривая: «Не хмурься — рано постареешь». Но печаль от этого не проходила ни разу, даже разливалась новыми красками. Словно в противовес вспоминались беззаботные детские годы в деревне к северу от Миасса, где он проводил каждое лето. Долгие походы в горы, встречи восхода солнца, стена дождя, проносящаяся по глади озера, стирающая отражение вершин.

Рука дотянулась до газеты, лежавшей рядом на покрытом старым пледом диване. Артём перевернул газету тыльной стороной и в пятый раз перечитал некролог: «Коллектив ЧелГУ скорбит о трагической кончине профессора Морозова». Взгляд скользнул ниже, раздел «Объявления»: «Отдам в добрые руки щенка бельгийской овчарки. Сука, метис. Три месяца. Телефон».

Быстрые сборы, овсяная каша и чашка кофе. Выглаженные с вечера белая рубашка и серые брюки напоминали, что сегодня важный день. Автобус №8, как обычно, преодолел свой маршрут и к восьми утра Артём был уже на кафедре. В руках он сжимал папку-уголок, сквозь синюю пленку просвечивалось: Доклад «Выявление связи митохондриального полиморфизма с физиологической резистентностью к гипоксии у спортсменов».

Раздражающая меланхолия развеялась чередой лекций и лабораторных занятий. Пытливость студентов, их увлечённые поиски себя придали сил. «Уж если человек поступил на биологический факультет — он искренне хочет заниматься наукой, — подумал Артём. — А дальше — поди разбери, что предстоит делать в жизни, когда ученик покидает конструктивистское здание в сером промышленном городе, где даже дышать трудно». Интересно устроен «естественный отбор» академической среды. Из десятков абитуриентов до дипло-

ма доходят почти все, но потом что-то ломается. Не больше четверти находят себя в профессии, которую они получили. Ничтожное количество продолжает заниматься наукой, преподавать. И лишь считанные единицы на всю страну становятся признанными профессионалами в какой-либо узкой специализации.

На вторую половину дня было запланировано событие, которое Артём с трепетом ждал уже больше месяца. Сегодня на кафедру должен приехать бывший декан факультета, а теперь член экспертного совета РФФИ¹ Геннадий Минченко. Артём подготовил, как ему казалось, превосходный доклад по теме своей заявки на исследовательский грант, а удачная защита на кафедре обеспечит её правильное понимание учёной коллегией.

После заседания Минченко сам подошёл к Артёму:

— Молодой человек, я вижу, как вы горите своими идеями, это похвально. Но вы должны помнить: для науки важен не личный интерес, а фундаментальный или, на худой конец, широкий прикладной характер поддерживаемых государственными деньгами исследований.

— Профессор, гипоксия у спортсменов — это доступный и прогнозируемый материал. Маловероятно, что в ближайшее время мы сможем проверить гипотезу при массовом за-

¹ Российский фонд фундаментальных исследований — на момент описываемых событий — одно из ключевых государственных учреждений поддержки научных исследований в России. В 2022 году переименован в ФГБУ «Российский центр научной информации».

болеванием, вызывающем поражение лёгких. Чтобы ту же самую проблему увидеть клинически...

— Вот именно, маловероятно, — перебил профессор, — это, скорее, тема для передачи «Очевидное — невероятное», чем для серьёзного исследования. Тогда для чего государству тратить на это деньги? Какой в этом смысл?

Аргументация, в целом, была понятна: деньги дают тем, кто покупает дорогое оборудование, дает повод засветить результат в новостях. Как говорится: «Кому нужны спортсмены, если речь идет не об Олимпиаде или Чемпионате мира по футболу?» А раз так, спорить совершенно не хотелось, да и аргументов не было. Стало предельно понятно, что поддержки не получить. «Непонятно, и как теперь быть?» — отчаялся Артём. Ватные ноги понесли его к выходу.

Плавный нарастающий сигнал будильника прогнал остатки тревожного сна — 5:30. Привычный набор утренних процедур, встреча с майским солнечным утром в загазованном городе, пять километров бегом до горы Монахов², пятнадцать силовых подъёмов в гору и обратный путь до дома. Серая панельная хрущёвка, обшарпанный подъезд, четвёртый этаж и снова эти отвратительные обои оттенка «кофе с поносом». «Как они могли понравиться родителям? Может быть, они

² Гора Монахи — возвышенность, расположенная в городском сосновом бору Челябинска. Высота горы составляет 231 метр.

переехали в деревню, чтобы больше никогда не видеть этот жуткий цвет?» — подумал Артём, ощутив мимолётную зависть такой житейской мудрости.

Город не был его стихией. Замкнутый парень, который всё свободное время проводил бегая по горам и решая хитрые задачи по сопоставлению карты и территории, просто не мог не влюбиться в природу. А полученные от тренера глубокие знания анатомии, биохимии и биомеханики человека определили наиболее логичный путь в жизни. Артёму искренне хотелось разобраться, как устроены силы, позволяющие подготовленному спортсмену добиваться результатов, невысказанных для большинства людей. Изучение биологии дополняло его увлечения — приводило к глубокому пониманию изменений, происходящих в теле спортсменов при адаптации к нагрузкам.

В столовой Артём подошел поздороваться к Алёне — коллеге с ямочками на щеках, притягивающими взгляд, будто парящий в небе остров. Казалось, что она любит улыбаться, оставаться яркой и дружелюбной, что бы ни случилось. «Что это, привычка быть счастливой?» — подумал Артём.

Вместо обычного «Привет!» Алёна приземлила его на соседний стул неожиданным: «Я видела, как тяжело тебе было вчера! Не переживай, они просто не понимают: привыкли к пустым исследованиям с кучей закупок и высоким бюджетом. Я верю, что у тебя всё получится!»

Сбивчивый разговор о работе перешёл на погоду и планы

на лето, а потом совершил неожиданный поворот:

— Вечером пойду смотреть щенка, не хочешь составить мне компанию? — спросил Артём.

— Ой, а зачем тебе собака? Это же такая ответственность: гулять надо, лечить, заботиться.

— Гулять — меня меньше всего беспокоит. Я же ищу себе компаньона для пробежек, а мои объёмы и скорость мало кто из людей сдюжит — вся надежда на две дополнительные лапы. Там метиса малинуа пристраивают.

Артём уже предлагал Алёне научить её бегать, и не раз, но её это совсем не вдохновляло. Понять, зачем он это делает пятнадцать часов в неделю, если можно пару раз сходить в зал, на йогу, погулять, а в оставшееся время заняться действительно важными вещами, девушка решительно не могла. Впрочем, несовпадение интересов не мешало коллегам неуклюже стесняться собственных чувств и искренне желать следующей ни к чему не обязывающей встречи. А до «обязывающих» почему-то не доходило.

— Мне кажется, что это в тебе одиночество говорит. Ладно, поможем твоей муке выбора. Собак я люблю, да и вечер свободен. Я соглашусь, если обещаешь больше не переживать о вчерашнем и продолжать свои исследования.

Тёплый, недовольно ворчащий и ёрзающий туда-сюда зубастый комок шерсти с хвостом покусывал край старого пле-

да, в который был завёрнут. Артём нёс на руках свою рыже-соболиную мечту. Угольки глаз заглядывали ему прямо в душу, поднимая из глубины воспоминаний игры с чужими щенками, детское желание получить в день рождения свою собаку и стать ничуть не менее счастливым, чем малыш из мультфильма про «Карлсона, который живет на крыше», которому родители всё же подарили собаку.

Они шли втроём по весеннему вечернему городу: Артём, его тёплое чудо за пазухой и девушка Алёна, она же коллега, которую он пригласил с собой, не до конца понимая зачем. Его новому шагу, видимо, нужен был свидетель. Шаг сделан. Свидетель остался. Щебет Алёны лишь временами пробивался сквозь плотный поток смеси воспоминаний, воплотившейся мечты, тепла собачьего тела и закатного солнца.

— А потом я принесла домой котёнка и три дня прятала его под кроватью от мамы. Представляешь, она даже не сразу его обнаружила! — Алёна захихикала. — Она, конечно, пыталась меня убедить, что нужно отнести его обратно — домой к моей подруге, но было уже поздно. Я к нему уже привязалась, и маме пришлось сдаться.

Артём улыбнулся и машинально кивнул.

— Ты уже придумал, как её назовешь? Может быть, Триша, Трисс? Она похожа на Трисс Меригольд. Рыжая бестия! Будет той ещё пронырой, когда вырастет.

— Зара. Я назову её Зара, Зарина.

— Почему Зарина? Звучит как-то по-цыгански? Она цы-

ганка? Тебе нравятся цыгане?

— Похоже на «заря». Люблю утро. Может быть, это будет «начало нового дня». Мне давно хочется какого-то обновления в жизни, понимаешь? Как будто я засиделся на одном месте, живу слишком одинаковую жизнь. Теперь, я чувствую, всё должно измениться.

— А для меня в этой твоей новой жизни место есть?

Алёна показала свои обезоруживающие ямочки на щеках и хитро прищурила глаз. Тогда Артёму показалось, что она уже всё сама решила и ему осталось только согласиться с её предположением: «Конечно, будет место... то есть уже есть... или?»

Черная маска на собачьей морде, белые острые маленькие зубки и тепло, просачивающееся через плед, наполняли его счастьем. Разве был он в состоянии хоть ненадолго стать рациональным, задуматься над ответом?

— Конечно, да, — сказал он, — мне очень бы этого хотелось, чтобы было место... — он запнулся, замолчал. Но Алёна уже поняла всё, как хотела, и по-детски хлопнула в ладоши, изображая восторг.

По рукам Артёма пробежали мурашки. Глаза на секунду закрылись, и глубокий вдох наполнил нос ароматом цветущей акации. Алёна, не останавливаясь, приобняла его, крепко прижалась щекой к плечу, а свободной рукой почесала за ухом щенка.

— Вот увидишь, жизнь теперь станет прекрасней. Мы, на-

ука, собака и твой бег — что ещё можно пожелать?

Если бы не ежегодная суета вокруг вступительных экзаменов и работы в приёмной комиссии, казалось бы, что лето продлилось не больше недели. Артём, Алёна и щенок были неразлучны. Выезды на природу, вечерние прогулки в парке, тренировки в кинологическом центре по воскресеньям. Всё это закрутилось в клубок приятных, но неразличимых событий.

Осень, новый учебный год, новые студенты, лекции и тщетные попытки сформулировать тему для исследований добавляли нервной суеты и заставляли начинать каждое утро с поиска причин радостно принимать рутину.

Так бы и продолжалось, если бы не известный вирус, свалившийся словно снег на голову в конце года, изменивший привычный мир до неузнаваемости.

Исследования гипоксии (хронической недостаточности кислорода) у спортсменов, которым Артём посвятил столько времени, неожиданно оказались на пике научной и научно-популярной волны. Молодой учёный, знавший так много о способности организма сопротивляться проявлениям инфекции, привлекал всеобщее внимание. Популярность создавала ощущение востребованности, чуть ли не ежедневно приходили предложения об интервью, прямых эфирах, разборе новостей со всего мира.

С Артёмом связались представители аттестационной комиссии РФФИ, предложившие вернуться к вопросу об исследовательском гранте. Всё это было лестно и приятно щекотало уставшие от непризнанности нервы. Но что-то внутри не позволило Артёму согласиться. Вместо этого он написал заявление о направлении его в «красную зону» областного госпиталя, где его опыт и правда приносил бы пользу, помогал спасать жизни, искать способы терапии и профилактики.

Работа с больными, ежедневные столкновения со смертью, отчаянным непониманием и неконтролируемой тревогой, порожденной страхом неведения, засилием противоречивой, непроверенной, а часто и прямо антинаучной информации, заставляли Артёма менять взгляд на мир.

Наблюдения и исследования показали то, что Артём знал давно, но никак не мог выразить в понятных другим людям словах: занятия спортом, аэробные нагрузки, походы в горы, даже элементарная привычка много ходить запускали адаптацию, которая теперь стала для многих людей критерием выживания. Болезнь поражала всех без разбора, но у тех, кто был лучше подготовлен, шансов на бессимптомное течение и быстрое восстановление было значительно больше.

Казалось бы, что Артём должен быть рад практическому подтверждению своих гипотез, но на самом деле с каждым днем в нем нарастала злость, тоска и ощущение беспомощности. Хотелось кричать: «Люди, да что же вы делаете с собой? Почему вам никак не отзывается старинная мудрость

„Движение — жизнь“?»

Единственное, чему Артём мог радоваться в то время — это возможности бегать в пустом парке, да и по улицам города, которую давал служебный пропуск.

Так прошёл целый год. Вновь наступило лето, а с ним и короткий отпуск.

После целого года городского бега подъём в гору казался непривычно долгим. Зара бегала с хозяином уже не первый месяц, и часто их путешествия длились по несколько часов, но сегодня Артём впервые увидел, что собаке действительно тяжело. Она толкалась обеими задними лапами, будто запрыгивала на невысокую платформу во дворе, а передними старалась уцепиться за выступающие из тропинки корни деревьев. И это повторялось уже больше часа.

Несмотря на усталость, Зара с любопытством изучала лес и горы. Любую паузу она использовала, чтобы обнюхать новое растение или зарычать на пробегающую мимо белку. Временами она оборачивалась на хозяина, будто хотела проверить, всё ли с ним в порядке, справляется ли он. Артём же ощущал давно забытую свободу, вдыхал наполняющий силами горный воздух, который буквально разглаживал следы утренней тревоги на его лице.

Они бежали и бежали. Где-то шли, местами карабкались. Остановились только на перевале, когда солнечный свет стал

мягче и теплее, ведь его источник повернулся к закату. В мыслях Артёма ощущение сиюминутного счастья перемешалось с осколками утреннего разговора с Алёной, который никак до конца не выходил у него из головы. Зара, остановившись, прижалась к его ноге и, будто бы опираясь, отдыхалась. Артём обернулся. С перевала можно было разглядеть деревни, дорогу с редкими автомобилями и белые отблески солнца в реке. Впереди же, за хребтом, был лишь туман. Несмотря на тёплые тона, подмешанные в него солнечным светом, этот туман казался мокрым и холодным. Зара посмотрела на Артёма. Он вглядывался в туман с улыбкой, не лишённой тоски. «Как бы я хотел, чтобы там внизу был дождь, — подумал Артём, — если не испытать на себе все капризы погоды, горный бег не будет считаться настоящим. Как приятно было бы сейчас, после изнуряющего подъема по жаре под лучами яркого солнца, ощутить на лице прохладу дождя».

«Вперёд!»

Начался спуск в долину. Смесь взвеси и густого тумана превратилась в мелкий морозящий дождь. Несмотря на скользкую грязь и камни, бежалось очень легко. Зара тоже заметно повеселела. По собаке было заметно, что для неё спуск превратился в веселую игру.

Тропинка постепенно растворялась в мокром лесу, как будто по ней никто не ходил уже довольно давно. Под ногами чувствовались мягкие мхи и многолетний слой еловых

иголок. Артём не узнавал этот лес, наполненный плотным мокрым воздухом. Он казался чужой территорией, неизведанной, будто не было тех долгих лет, которые Артём проводил в этих горах. Хоть солнечный свет и доходил сюда многократно отраженным внутри плотной завесы облаков и тумана, но по уклонам, уходившим вправо и влево от траектории движения, было совершенно понятно, что двигаются они в правильном направлении.

Преодолев небольшой пригорок, Зара остановилась, подняв уши, и с видимым волнением стала изучать звуки впереди. Затем, плотно прижав их к голове, слегка ошетичилась, будто приготовилась защищать хозяина. Артём остановился и тоже начал прислушиваться — ничего. Из осторожности он сменил бег на быстрый шаг. Скоро стал отчетливо слышен собачий лай, переходящий в предостерегающий визг. Посреди леса стояла одинокая рубленая изба, рядом с ней вольтер, в котором бились, рычали и лаяли две белые мохнатые собаки.

На пороге показалась женщина, одетая в длинное зеленое платье. С её плеч свисала мягкая пушистая шаль из неокрашенной шерсти. На слегка морщинистом лице светилась улыбка, добрая и вместе с тем выражавшая необъяснимую уверенность. Длинные седые волосы уложены косой-кофроной. Со стороны избышки долетел аромат полевых цветов и разнотравий.

— Тихо-тихо, расшумелись. Нечасто к нам гости забредают. А ну, цыц, я сказала.

Лай умолк. Две крупные мохнатые морды внимательно смотрели на непрошенных гостей.

— Касатик, ты ко мне по делу или просто заблудился?

Слова женщины прозвучали неожиданно тепло и уютно на фоне холодного и мокрого леса.

— Рядом, сит, — произнес Артём, и Зара привычным движением прилипла к его правой ноге, села, подняв морду. Артём похлопал собаку по шее, и она мгновенно, точно по команде, убрала оскал и высунула язык.

— Какая умная собачка... учитесь, олухи, — произнесла женщина и строго поглядела на своих псов. С дерева одобритительно закаркал ворон.

— Мы заплутали в тумане. Не понимаю, кажется, пропустил поворот к перевалу.

— Ой, ну пропустил, так пропустил. Значит, судьба у тебя такая. А может, и не было никакого поворота? Тропинка-то с другой стороны. А ты из чащи пришел. Но, раз уж пришёл, заходи в дом. Гости у меня редки. А чтобы сам путь на меня вывел — такого ещё не бывало... всё по делу прежде. Заходи, угощу чаем.

Лесная изба была построена из неотесанных бревен. Внутри — лишь одна комната с крохотным окном, затянутым плёнкой вместо стекла, наполненная мягким светом керосиновой лампы. Убранство из медной посуды, половичков, сухих трав, развешанных по стенам, напоминало иллюстрацию к сказке. На маленькой печке закипал чайник.

— Садись. У меня тут сплошные дары леса, вот увидишь, ты таких никогда не пробовал. Городской, судя по одежде? Вижу, что любишь природу, бежал так, словно знаешь тут каждый куст. А избушке моей удивился.

— Удивился, вы правы. Я давно здесь не был, несколько лет уже. И был уверен, что в лесу этом никто не живет.

— Приятный сюрприз, значит. А ты уверен, что ты в том самом лесу? Я здесь давненько уже, так и не сосчитать годочки.

Женщина положила на плечи Артёму жёлто-коричневый плед из верблюжьей шерсти и налила воды Заре. Заваренный чай источал лёгкий аромат горных трав. На столе стояла пиала с вареньем из молодых еловых шишек и лесных ягод. Вкус чая с горько-сладким вареньем наполнил Артёма почти опьяняющей энергией. Тревога прошла.

— Я всё детство провел в этих местах, но никогда про вас не слышал. Странно. Не мог же я заблудиться. А как же вы здесь живете совсем одна? До ближайшей деревни несколько часов ходу. И не проехать сюда ведь никак, только пешком можно добраться.

— Мне нравится уединение, да не одна я. Вон собаки есть. Да и люди ко мне иногда приходят за советом. Приносят сахар, спички, керосин, полезности всякие, без которых в лесу тяжело живется. Значит, есть им от меня польза какая-то. Ну а ты что? Какими ветрами тебя занесло?

— Трудно объяснить. Я бегать люблю. Это трудно понять,

думаю, но для меня убежать в горы одному на весь день — это и тренировка, и способ с самим собой поговорить, получить ответы, которые в обычной жизни услышать не могу никак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.